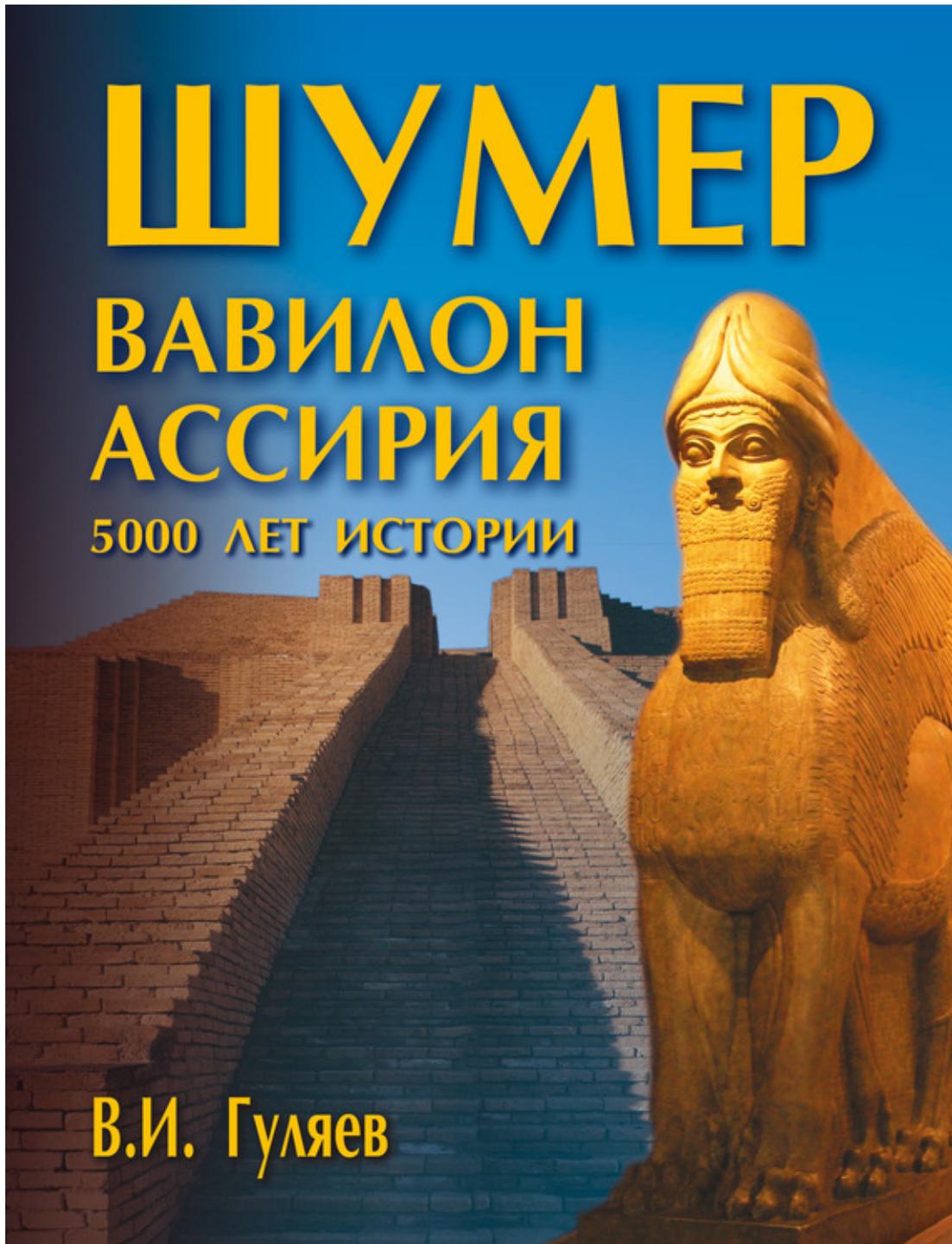

ШУМЕР

БАВИЛОН
АССИРИЯ

5000 ЛЕТ ИСТОРИИ

В.И. Гуляев

Валерий Иванович Гуляев
Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории
Серия «Сокровенная история цивилизаций»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939735
Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории.: Алетея; Москва; 2005
ISBN 5-98639-018-0

Аннотация

Эта книга, адресованная самому широкому кругу читателей, посвящена цивилизации, считающейся колыбелью человеческой культуры и письменной традиции. В увлекательной форме она рассказывает об исторических событиях, когда-то происходивших на этой земле, о рождении и падении древних царств, об археологических раскопках, о науке, искусстве и религии Месопотамии от древнего Ура до Вавилона и Ассирии.

Автор книги доктор исторических наук, профессор В.И. Гуляев – известный русский археолог, в течение многих лет участвовавший в раскопках месопотамских памятников древности.

Содержание

Об авторе	4
Введение	6
Глава 1 Вода, земля и жизнь (экология древней Месопотамии)	11
Тигр и Евфрат	13
«У природы нет плохой погоды...»	19
Глава 2 В поисках забытых городов	23
Археологическое изучение Ирака	26
Ботта открывает Ассирию	28
Лэйярд в Нимруде и Ниневии	29
Рассам и библиотека Ашшурбанапала	34
Джордж Смит и «Всемирный потоп»	35
Открытие шумеров	38
Разгадка секретов клинописи	39
«Германия превыше всех»	42
Раскопки в Уре (Леонард Вудди)	46
У истоков месопотамской цивилизации	48
Открытия продолжают	56
Глава 3 У истоков первой цивилизации планеты	59
История начинается в Шумере	59
Загадки Убейда	62
Урукская культура	68
Урук (Эрех) – заря цивилизации	70
Рождение клинописи	73
Протописьменный период	76
Откуда пришли шумеры?	82
Глава 4 Эпоха богов и героев	88
Урук, год 2800 (2700) до н. э	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Валерий Иванович Гуляев Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории

Об авторе

Валерий Иванович Гуляев – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом теории и методики Института археологии РАН. Профессиональный археолог, участник многих археологических экспедиций в нашей стране и за рубежом (Ирак, Куба, Мексика). Занимается проблемами древних цивилизаций Ближнего Востока и Мезоамерики, а также археологией скифов Северного Причерноморья. Последние 15 лет возглавляет археологическую экспедицию, ведущую раскопки скифских древностей на Среднем Дону.

Автор 14 книг и монографий, в том числе «Древнейшие цивилизации Мезоамерики», «Кто открыл Америку?», «В стране первых цивилизаций (Древний Ирак)», «Первые города», «По следам конкистадоров».

Введение

Если спросить у случайных прохожих даже в таком многолюдном и просвещенном городе, как Москва: «Что вы знаете о Древней Месопотамии?» – то, полагаю, многие просто пройдут мимо, молча пожав плечами, у некоторых, возможно, это вызовет в памяти какие-то отрывочные факты или смутные воспоминания, сохранившиеся со школьных лет из учебника по истории Древнего Мира, и уж совсем в редких случаях набожные и верующие люди скажут, что знают из Библии об Ассирийском и Вавилонском царствах и о бесчинствах их жестоких правителей над «избранным народом» Палестины.

Между тем, есть веские причины изучать и широко пропагандировать богатейшую историю именно этого региона, где теперь находятся современные арабские государства Ирак и Сирия.

Прежде всего, Месопотамия – это колыбель человеческой культуры и цивилизации. Здесь впервые на нашей планете возникли земледелие и скотоводство, постоянные поселки и города. Здесь впервые засиял свет письменной традиции: в конце IV тыс. до н. э. на этой земле появились глиняные таблички с клинописными текстами. О важности для развития цивилизации письменности говорил выдающийся российский востоковед И.М. Дьяконов:

«Письменность – одно из самых существенных культурных завоеваний человека. Хотя, казалось бы, она играет в истории культуры подсобную, техническую роль, очевидно, что без нее не было бы возможно то огромное культурное развитие человечества от каменного до атомного века...»

Именно в долине великих азиатских рек Тигра и Евфрата впервые возникло государство, а вместе с ним – подлинная архитектура (храмы, дворцы), скульптура, своды законов, литература, философия и т. д., – словом, все то, что определяет сущность подлинной цивилизации.

Следует также помнить о том, что наша европейская культура – прямая наследница «древнемесопотамской» культуры, или «вавилонской», как ее называет известный отечественный исследователь М.В. Никольский.

«Из восточных народов, – пишет он, – наиболее высокую культуру выработали... вавилоняне; их культура оказала наибольшее влияние на их соседей и на греко-римскую культуру... И среди восточных (читай, месопотамских. – *В.Г.*) элементов современной культуры преобладают именно вавилонские элементы. Мы теперь не замечаем их, они вошли в нашу плоть и кровь, изменились и переработались иногда до неузнаваемости; долгое время мы даже и не подозревали об их происхождении. Но они весьма многочисленны и напоминают нам о себе, можно сказать, ежедневно. Мы так привыкли, например, к семи дням недели, что нам и в голову не приходит спросить себя, откуда этот счет дней недели; так же мы относимся к двенадцати месяцам в году, или к 60 минутам в часе, или 60 секундам в минуте. Между тем, эти неотъемлемые, вошедшие в нашу плоть и кровь подразделения вовсе не составляют оригинального достояния нашей культуры, но ведут свое происхождение из незапамятной старины, из древнего Вавилона».

Француз, немец, англичанин машинально повторяют свои названия дней недели, нисколько не подозревая о том, что эти слова – простой перевод старинных вавилонских названий. Сотни тысяч учеников в школе учат деление круга на 360 градусов, измеряют градусами дуги и углы, и никому из них не приходит в голову спросить, отчего вместо такого странного деления не разделить окружность круга на 100 или 1000 градусов по десятичной системе; ни один математик не задумывается над необходимостью такой реформы, ибо вся геометрия построена на этом делении, оно вошло в жизнь, и от него так же трудно отка-

заться, как от деления суток на 24 часа и часа на 60 минут. Оно имеет такую же почтенную давность и идет из того же Вавилона.

Мы до сих пор говорим про счастливого человека, что он «родился под счастливой звездой»; среди нас есть немало людей, которые искренне верят, что судьбу человека можно определить заранее по звездам, а каких-нибудь 100–200 лет назад даже серьезные ученые считали астрологию точной наукой. Родина астрологии – это тоже Вавилон, и ее основные правила были составлены вавилонскими астрологами. Есть слова, употребляемые нами ежеминутно и заимствованные все оттуда же. Таково слово «талант» – название вавилонской меры веса и высшей единицы вавилонской денежной системы; оно давно утратило свой прямой первоначальный смысл и стало употребляться для обозначения известного человеческого качества, но идет все из того же Вавилона. «Мы часто говорим в шутку, – отмечает М.В. Никольский, – что *семь* — число священное, совершенно не сознавая, что бессознательно повторяем то верование, которое твердо хранилось у вавилонян. Множество следов вавилонского влияния можно найти также в Библии и в некоторых религиозных обрядах. Известные всем нам с детства сказания о сотворении мира, о древе жизни, о потопе, о вавилонском столпотворении впервые появились в Вавилоне, и автор библейских книг их только переделал по-своему и приспособил к вере в единого Бога... Таково до сих пор влияние старинного города, „чуда света“. Очевидно, стоит потратить время и труд, чтобы познакомиться с его историей и узнать, как были положены основания тем элементам нашей культуры, которые, именно благодаря своей древности и обычности, кажутся нам теперь самыми привычными явлениями...»

Нам интересна эта земля и из-за громадного количества постоянно открываемых археологами клинописных глиняных табличек, где вся тысячелетняя история и культура Месопотамии отражена с такой полнотой и на таком большом отрезке времени (с III тыс. до н. э. и до рубежа н. э.), что аналогов ей нет ни в одной другой ранней цивилизации нашей планеты.

Древняя Месопотамия сыграла огромную роль в создании мифов и преданий Библии – главной книги христиан (шумерский миф о всемирном потопе и др.).

Наконец, следует напомнить, что именно здесь, в Месопотамии-Ираке, находились два знаменитых «чуда» древнего мира – «Вавилонская башня» и «Висячие сады Семирамиды». Где-то на этой земле или совсем рядом с ней помещался и сказочный Дильмун – прообраз библейского рая.

На территории Месопотамии на протяжении тысячелетий процветала цивилизация, которая по своей значимости вполне могла соперничать с цивилизацией Египта эпохи фараонов. Согласно современной терминологии, мы называем ее Халдейской, Ассиро-Вавилонской, Шумеро-Аккадской или Месопотамской, но это, в сущности, одно и то же. Из корней, уходящих далеко во мрак доисторических времен, она медленно возникала, расцветала и продолжала существовать почти три тысячи лет, оставаясь всегда удивительно единой, хотя ее неоднократно сотрясали и политические перевороты, и бесконечные вливания иноземной крови и иноземных традиций культуры. Городские центры этой цивилизации посылали благотворные импульсы своей высокой культуры по всему Ближнему Востоку, где такие города, как Ур, Урук, Нип-пур, Аккад, Вавилон, Ашшур и Ниневия, все стояли вблизи Тигра и Евфрата, в пределах современного Ирака, или непосредственно на берегах этих рек.

Однако в начале нашей эры месопотамская цивилизация постепенно приходит в упадок и исчезает. Некоторые из ее культурных и научных достижений были заимствованы греками и позднее стали частью нашего культурного наследия; все остальное или погибло, или лежит погребенным в земле, ожидая встречи с археологами. Славное прошлое было забыто; в короткой памяти человечества об этих многолюдных городах, могущественных богах и грозных державах сохранились лишь немногие, сильно искаженные имена. Разрушитель-

ные дожди, насыщенные песком ветры, заставляющее трескаться землю солнце, – все это способствовало сокрытию материальных остатков этой цивилизации, и только безымянные холмы-«телли», которые скрыли в себе руины Вавилона и Ниневии, дают нам, вероятно, наиболее наглядный урок быстротечности жизни из всех, какие мы когда-либо могли видеть в истории.

Хорошо известно, что первые впечатления о стране – всегда самые яркие и свежие. Так было и со мной. Приехав в Ирак в апреле 1970 г., когда в Багдаде уже царил зной, по нашим меркам, настоящая жара (25–30 °С), я навсегда сохранил в памяти все то, что увидел именно в первые дни. Правда, Багдад уже ничем не напоминал сказочный город средневековых арабских халифов. Но зато в провинции, в иракской глубинке, время как бы остановило свой стремительный бег, и здесь на каждом шагу явственно проступает тысячелетнее прошлое. Продолав за сутки долгий путь в 500 километров от иракской столицы до лагеря нашей археологической экспедиции в Ярм-тепе, близ города Телль Афар в Синджарской долине, на северо-западе страны, я оказался, по сути дела, в той самой древней Месопотамии, о которой мы читали в научных трудах и следы которой видели в музеях. На следующий день я проснулся очень рано и, одевшись, вышел из палатки. Над головой – голубое высокое небо и яркое горячее солнце. Кругом – безбрежное море зелени: травы и всходы пшеницы и ячменя. И вдруг в этом мире тишины и покоя передо мной ожила библейская пастораль: по склону близлежащего высокого холма медленно двигалось стадо овец и с ним, на осликах, два пастуха, старый и молодой, в каких-то допотопных длинных хламидах и с платками на голове. Ну чем не послание из глубины веков? Ведь точно так же бродили по месопотамской земле многие поколения пастухов и земледельцев. Они жили в таких же, как и сейчас, глинобитных хижинах, так же выращивали хлеб на своих полях и пасли стада овец и коз.

Но самое сильное впечатление от встречи с прошлым ждало еще впереди, когда мне пришлось побывать в древнем Ашшуре – первой столице грозной Ассирийской державы.

На одном из центральных участков этого городища, близ самого берега Тигра, весенние потоки на протяжении многих лет образовали в земле глубокую промоину, нисходящую прямо к реке. Высота берега достигает здесь не менее 15 метров. И почти вся его земляная толща состоит из следов человеческого обитания самых разных эпох – от раннеземледельческих культур V тысячелетия до н. э. и до мусульманского средневековья. Естественно, что археологи не преминули использовать эту игру природных сил: промоину углубили до самого дна, до речного песка, тщательно зачистили обе ее высокие стенки, отстоящие друг от друга по прямой на 25–30 метров, и получился идеальный, гигантских размеров археологический разрез. Говорят, эту нелегкую работу начал еще в конце XIX века немецкий археолог Вальтер Андре, а продолжили уже в наши дни иракские ученые. Я осторожно подошел к самому краю искусственного каньона. Далеко внизу, в тени берегового откоса, глухо шумели коричневые воды Тигра. А на противоположной стенке каньона передо мной предстала живая летопись месопотамской истории. Почти от самой поверхности по вертикальным срезам земли шли и шли вниз бесконечные слои с осязаемыми следами эпох и культур, прошумевших здесь на протяжении тысячелетий. Из желтовато-серого лёсса повсюду торчали куски громадных глиняных «хумов» – сосудов для хранения масла, зерна и пива, печи для выпечки хлеба и для обжига керамики, остатки стен глинобитных и каменных зданий, человеческие кости и даже целые захоронения в глиняных гробах. Более впечатляющего зрелища я никогда больше не видел: вся бесконечно долгая летопись прошлого Месопотамии предстала вдруг перед моим взором. Парфяне, персы, вавилоняне, ассирийцы, шумеры и их безымянные предшественники раннеземледельческой поры – все они побывали в Ашшуре и оставили после себя вполне реальные следы. Расцветали и гибли города, одна цивилизация сменяла другую, и каждый раз на месте города мертвых вырастал город живых. Стоя

на краю этого мрачного провала, как никогда ясно осознаешь и быстротечность времени, и чудовищную тяжесть веков, формировавших традиции нашей современной культуры.

На плоском острове посреди Тигра группа местных крестьян-феллахов в длинных белых рубахах кончила собирать вязанки хвороста и снопы травы и двинулась к поджидавшим их лодкам. Глядя на длинную вереницу согбенных фигур, было легко представить себе нескончаемую цепочку людей предыдущих поколений, пронесших бремя человеческого труда сквозь туман прошлого. Семь тысяч раз сеяли хлеб и семь тысяч раз собирали урожай с тех пор, как первый предок современных иракских феллахов поселился на крутых прибрежных откосах Ашшура.

Теперь несколько слов о самом термине «Месопотамия». Так называли этот регион древние греки: по-гречески «месос» – «середина», а «потамос» – «река», в целом это можно перевести как «междуречье». Современное название страны – «Ирак» – в переводе с арабского означает «земли, лежащие по берегам», примерно то же самое. В советский период в русскоязычной литературе широко употреблялся другой термин – «Двуречье». Географически Месопотамия занимает весь Ирак и часть Сирии.

С незапамятных времен жизнь в этом краю щедрого южного солнца была возможна только возле воды, и прежде всего вдоль Тигра и Евфрата. Вокруг зеленой ленты цветущих земледельческих оазисов Междуречья на многие сотни километров раскинулись лишь бесплодные пустыни да цепи выжженных до желтизны каменистых хребтов. Благодатные лёссовые почвы речных долин при должном уходе и орошении давали невиданные урожаи пшеницы и ячменя. Вот почему именно в Месопотамии еще на заре истории, в конце IV тыс. до н. э., родилась одна из наиболее ярких и наиболее ранних цивилизаций древности – шумерская.

«Мы знаем сегодня, – пишет немецкий историк Э. Церен, – что в недрах этой земли скрыты древнейшие культуры, созданные человечеством. Там находится колыбель нашей культуры, колыбель человеческого гения, его представлений и понятий, его веры и убеждений».

На протяжении многих веков Месопотамия оставалась важнейшим центром древней цивилизации. Ее цари диктовали свою волю соседним народам. Ее мудрецы и поэты создавали бессмертные произведения о человеке и мироздании, заимствованные позднее творцами Библии. Ее зодчие возводили величественные храмы и грозные крепости. А жрецы-астрономы изучали яркие южные созвездия, познавая тайны Вселенной.

Но настало время, и армия Александра Македонского сокрушила мощь главных восточных деспотий, доказав тем самым растущие возможности античной Европы. И вот что примечательно. Возникали и рушились империи, сменялись династии царей, гибли под мечами чужеземных завоевателей жители целых государств, а высокие достижения местной культуры не исчезали бесследно. Они передавались из поколения в поколение, от эпохи к эпохе, от одного народа другому. Шумеры породили Аккад и Вавилон. На смену последним пришла воинственная Ассирия. Мидийцы и скифы, персы, греки, римляне, арабы – все они в той или иной мере были наследниками первой цивилизации Месопотамии. «Их (шумеров. – В.Г.) цивилизация, – отмечает известный английский археолог Леонард Вулли, – вспыхнув в еще погруженном в варварство мире, была действительно первой. Прошли те времена, когда начало всех искусств искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу, вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок вобрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона и Ассирии. Но корни идут еще дальше: за ними всеми стоит Шумер».

С борта самолета на плоской поверхности желто-бурой Месопотамской равнины можно различить множество больших и малых искусственных холмов – по-арабски «теллей». Это бесценный исторический архив тех тысячелетий, которые отшумели над древней

землей Ирака. В каждом таком холме скрыты руины городов и селений разных народов и разных эпох. Глиняные таблички с клинописными текстами донесли до наших дней названия лишь немногих из них: Ур и Урук, Ниппур, Киш, Лагаш, Вавилон, Нимруд, Ниневия.

Но Месопотамия – не Египет. Турист, путешествующий сегодня по Ираку, может побывать во многих районах страны, но ему даже в голову не придет, что окружающие его холмы – это древние города. В стране нет величественных памятников, способных привлечь внимание туристов, и им трудно представить себе, что во время своих бесчисленных скитаний они, возможно, ступали по базарной площади бывшей столицы или по развалинам некогда величественного храма. Невозможно вообразить, что пустыня вокруг когда-то была цветущим садом, а звенящую тишину нарушали разноязыкие голоса.

Американский археолог Э. Кьера, глядя на руины древнего города Киша – одного из важнейших шумерских центров III тыс. до н. э., в отчаянии воскликнул: «Мертвый город! Я бывал в Помпеях и Остии, бродил по пустым коридорам Палатина (дворец в Риме. – В.Г.). Но те города не мертвы; они лишь временно покинуты жителями. В них еще слышится шум жизни и жизнь кипит вокруг них. Они – лишь ступень в развитии той цивилизации, которой они отдали себя и которая продолжается рядом с ними. Здесь же настоящая смерть. Ни единой стоящей колонны или арки, которая бы служила доказательством долговечности дел человеческих. Все рассыпалось в прах...»

Почему же это произошло? *Во-первых*, потому, что Месопотамия – страна глиняных цивилизаций: все местные постройки, от гигантских храмов и дворцов до скромных крестьянских хижин, строились здесь из глиняных блоков (то есть из не обожженного, а просто высушенного на солнце сырцового кирпича). Поэтому такие сооружения без постоянного ухода (ремонт, перестройка и т. д.) быстро рушились и превращались в безликие глиняные холмы.

Во-вторых, все благополучие месопотамских культур и цивилизаций (особенно на юге региона) зависело от состояния обширной сети оросительных каналов, плотин и дамб. И когда нашествие татаро-монгольских орд в XIII–XV вв. н. э. сокрушило всю систему местной власти и тем самым уничтожило контроль и уход за ирригацией, страна быстро пришла в упадок, а большая ее часть превратилась в гигантскую лёссовую пустыню. Славное прошлое Месопотамии вскоре было забыто. Разрушительные песчаные бури, дожди и палящее солнце быстро превратили все великолепные постройки этих городов, сделанных из глины, в округлые безмянные холмы, надежно хранящие тайны древней истории Востока. И только археологии суждено было вновь вернуть миру забытые и погребенные в земле великие цивилизации прошлого.

Автор не только лично принимал участие в многолетних работах Советской археологической экспедиции по исследованию раннеземледельческих поселений VII–IV тыс. до н. э. на северо-западе Ирака (1970–1980 гг.), но и имел возможность посетить многие всемирно известные месопотамские памятники древности: Вавилон, Ниневию, Ур и др. Эти личные впечатления и легли в основу предлагаемой вниманию читателей книги. В ней будет рассмотрена история древней Месопотамии с дошумерской поры (VII–IV тыс. до н. э.) и до падения Вавилона под ударами персидского императора Кира в 539 г. до н. э.

Глава 1 Вода, земля и жизнь (экология древней Месопотамии)

Вероятно, нигде больше влияние географии на историю не проявляется так заметно, как в странах, которые занимают пространство от Средиземного моря до Персидского залива и от Иранского нагорья до Аравийского полуострова. Они и составляют основу того региона, каковой мы называем сейчас Ближним Востоком.

В больших пустынях и экваториальных тропических лесах или поблизости от полюсов, в Арктике и Антарктике, человек подавлен враждебной природой, угрожающей самому его существованию. С другой стороны, в областях с умеренным климатом, в условиях благоприятного природного окружения человек чувствует себя как дома. Однако на засушливом, субтропическом Ближнем Востоке взаимоотношения между человеком и природой более тонки, деликатны и непостоянны. Человек может там жить и даже благоденствовать, однако почти все виды его деятельности в значительной мере обусловлены рельефом местности, характером почвы, количеством дождевых осадков, распределением водных источников (колодцы, ручьи и др.), объемом воды и скоростью течения рек. Эти природные факторы оказывали на людей глубокое влияние: они определяли маршруты торговых караванов и планы военных кампаний; они заставляли людей быть оседлыми земледельцами или же принуждали их вести полную лишений жизнь кочевников; они же активно участвовали в формировании физических и моральных черт местного населения и во многом предопределяли его религиозные воззрения.

Поэтому знакомство с историей любой ближневосточной страны следует начинать с изучения географической карты, и древняя земля Ирака не является здесь исключением.

К сожалению, у нас нет древних трактатов по географии Месопотамии III–I тыс. до н. э. Недавние палеоботанические, геологические и метеорологические исследования показывают, что природно-климатические условия в интересующем нас регионе в течение последних восьми – шести тысяч лет практически не менялись, либо эти изменения были столь незначительны, что их можно игнорировать. Поэтому все данные естественных наук по Ираку современному, за редким исключением, могут быть вполне применимы и к Ираку древнему (ландшафт, флора и фауна, температура воздуха, количество осадков и т. д.). Хотя, естественно, есть и обратные примеры: например, в центральной и южной частях страны реки текут по другим руслам, нежели в древности, а некоторые плодородные прежде районы превратились в пустыню.

Но не только голые горы, каменистые пустыни, ячменные поля, рощи финиковых пальм, заросли тростника и лёссовые равнины образуют сейчас тот же ландшафт, который предполагается и для древней Месопотамии. Стоит выехать за пределы больших иракских городов, как седая древность (вместе со своим природным фоном) предстает перед вами во всей своей красе. На холмах и в предгорьях пастухи с незапамятных времен пасут овец и коз; в пустыне племена бедуинов кочуют от колодца к колодцу, как и в далеком прошлом; на месопотамской равнине иракские феллахи живут в глинобитных домах, почти не отличимых от жилищ земледельцев Вавилонии, в то время как рыбаки на болотах Южного Ирака, близ Персидского залива, обитают в больших тростниковых хижинах и плавают по воде на тростниковых лодках с высоко загнутым носом и кормой, как и их далекие шумерские или даже убейдские предшественники. И если солнцу, луне, дождю и ветру уже не поклоняются, то их могущество молчаливо признается и уважается. Таким образом, в мире действительно есть еще очень немного стран, где прошлое так живо и где природа на удивление хорошо сохранила свой почти первозданный облик.

«Как географическое целое, – отмечает известный английский археолог Сетон Ллойд, – Месопотамия образуется широкой незначительной по глубине впадиной, которая протянулась на северо-запад от Персидского залива и в геологическом отношении является его продолжением. Определить границы ее с обеих сторон не представляет собой трудности: на северо-востоке она ограничена понижающимися склонами хребтов Ирана, на юго-западе – гигантской пустыней, которую геологи называют Аравийским плато».

Территорию Месопотамии традиционно разделяют на две области, заметно отличающиеся друг от друга по природно-климатическим условиям: Северную (или Верхнюю), называемую обычно «Ассирией», и Южную (или Нижнюю), называемую «Вавилонией». Граница между ними проходит примерно через города Хит на Евфрате и Самарра на Тигре. К северу от этой линии Междуречье занято известняковым голым плато Эль-Джезира (арабск. «Остров»), которое запирает Евфрат в довольно узкой долине. Тигр же, напротив, течет по широкому нагорью, по склонам которого раскинулись пастбища и пашни. Этот плодородный край и назывался когда-то Ассирией. К югу от черты Хит-Самарра, там, где реки образуют общую дельту, ландшафт совершенно иной: весь этот район – порождение Тигра и Евфрата. Именно благодаря их наносам, здесь образовалась огромная, совершенно плоская лёссовая равнина, которой нет равных по плодородию на всем Ближнем Востоке.

Тигр и Евфрат

Наиболее характерная топографическая черта Ирака – наличие двух больших рек, Тигра и Евфрата. Широко известное изречение древнегреческого писателя Геродота, «отца истории» (V в. до н. э.), о том, что Египет – это дар Нила, может быть с успехом приложено и к Ираку, различие состоит лишь в количестве рек-дароносиц. С незапамятных времен Тигр и Евфрат откладывают свои наносы на каменистое ложе между Аравийской платформой и Иранским нагорьем, создавая среди безжизненных пустынь обширную и плодородную равнину. Обе реки берут начало в горах Турции, где их питает множество местных речек и ручьев. Проложив себе путь через отроги горных хребтов, они устремляются на юг. По характеру эти реки абсолютно не похожи друг на друга. Так, стремительный и многоводный Тигр течет на юго-восток, вдоль горной цепи Загрос. В нижнем течении он (уже в исторические времена) не раз менял свое русло, вот почему постоянных поселений на его берегах долго не возникало. Было время, когда Тигр впадал прямо в Персидский залив; сейчас же он сливается с Евфратом, и образовавшийся из двух рек Шатт-эль-Араб (в 100 км к северу от современного портового города Басры) впадает в море. Все притоки Тигра берут начало в восточных горных областях: Хазир, Большой и Малый Заб, Дияла и др.

Путь у Евфрата совершенно иной. Покинув Турецкое нагорье, он несет свои воды на юго-запад и в одном месте оказывается на расстоянии всего лишь 140 км от Средиземного моря. Затем он круто поворачивает к югу и образует широкую излучину. Ниже Каркемиша в него впадают два больших левых притока – Балх и Хабур. В районе Хита-Самарры Евфрат сближается с Тигром до 32 км и течет с ним почти параллельно дальше на юго-восток, к Персидскому заливу. Широкая петля, образуемая этими реками, превращает Верхнюю Месопотамию в своеобразный «остров». Евфрат не столь полноводен, как Тигр, да и течение у него намного спокойнее.

Илл. 1. Река Евфрат в нижнем течении, в районе современного города Эн-Насириш, близ древнего Ура

Разлив рек начинается в Месопотамии весной, в марте-апреле, когда в горах тает снег и обильно идут дожди. Первым разливается Тигр, на две недели позже – Евфрат. В отличие от Нила, наибольший паводок на месопотамских реках приходится на период созревания основной части зерновых культур, и поэтому нормальный цикл сельскохозяйственных работ возможен здесь лишь в том случае, если речная вода будет своевременно отведена в каналы и бассейны, где ее сохранили для полива хлебов после осеннего сева.

«Тигр, – пишет журналист О.Г. Герасимов, – считается самой беспокойной рекой Ирака. Выходя из берегов, он затопляет большие площади плодородных земель, прилегающих к его берегам, размывает глинобитные лачуги, уничтожает скот. Сообщения об уровне воды в период весеннего паводка напоминают сводки с полей сражений, так они лаконичны и строги, но за каждым их словом или цифрой скрывается многое: будут ли крестьяне снимать урожай, или, перебравшись на высокое место, им придется наблюдать, как бешеная река уносит выращенные с большим трудом посевы, смогут ли они сегодня спокойно лечь спать или, застигнутые стихией, будут сидеть на грозящей рухнуть крыше дома и искать воспаленными от напряжения глазами лодку своих спасителей».

Мне приходилось видеть весенний разлив Тигра в районе северного иракского города Мосула, и я могу подтвердить, что автор приведенной выше цитаты не допустил ни грана преувеличения. Последнее разрушительное наводнение Тигра было зафиксировано в 1954 г., когда сильно пострадали столица страны, Багдад, и многие другие города. С тех пор человеку удалось заметно усмирить разгул водной стихии: большие защитные плотины построены близ Самарры и в Куте. Самое поразительное, что еще за четыре тысячелетия до наших дней почти в тех же самых словах описали грозные наводнения Тигра и Евфрата древние вавилоняне:

Никому не остановить пожирающего все потока.
Когда небо гремит и дрожит земля,
Когда матерей и детей окутывают страшные покровы тьмы,
Когда зеленый тростник склоняет под ударами
свои пышные стебли.
И гибнет готовый к жатве урожай.

Поздний разлив усиливал засоление почв из-за большого испарения воды при все повышающейся температуре. Засоленность полей снижала урожай, и по прошествии какого-то отрезка времени (длительность его могла колебаться) приходилось начинать освоение новых земель, что в свою очередь вело к перераспределению населения. Существовала еще одна особенность в характере этих рек, связанная со стремительностью и поздним временем их разливов: ил, который они несли, был значительно менее плодороден, чем нильский, поэтому его нельзя было тут же отправлять на поля. Кроме того, он засорял каналы, которые несли воду во внутренние части страны; он также снижал мощность потока воды. Каналы приходилось очищать или заменять новыми.

Летом температура колеблется от 30 до 50 градусов в тени, дождя не бывает на протяжении восьми месяцев в году. К концу сухого сезона реки превращаются в узкие ленты. Потом приходит зима: днем неярко светит солнце, ночью холодно, время от времени налетают ураганные ливни. Реки, однако, не наполняются до самой весны, когда их притоки

начинают питаться за счет таяния снегов в горах Загроса и Тавра. Наступает пора весеннего разлива.

Илл. 2. Река Тигр в районе Багдада

Менее ста лет назад его считали еще неконтролируемым, и на протяжении всей истории страны он терроризировал обитателей южной месопотамской равнины.

Особенно трудными были в глубокой древности условия жизни в Нижней Месопотамии. До укрощения рек занятие земледелием было здесь невозможным: в болотистые лагуны и озера приливы Персидского залива и муссонные ветры заносили горько-соленую воду, а тростниковые заросли кишели дикими зверями и мириадами комаров. «Однако, – пишет И.М. Дьяконов, – когда в результате развития скотоводства и земледелия население Плодородного полумесяца начало расти, а земледельческие поселения стали все более выдвигаться в степь, некие, неизвестные нам, племенные группы, может быть теснимые своими соседями-врагами, ушли из таких селений в Нижнюю Месопотамию, где им сразу же пришлось применить какой-то ранее накопленный опыт создания каналов, потому что без искусственного орошения полей в этом жестоком климате человек неминуемого бы погиб. Вероятнее всего, первые люди пришли сюда через долину Диялы, а также из соседнего Элама».

«И действительно, – говорит М.В. Никольский, – трудно найти более неприветливую страну. Если мы приедем туда осенью или зимой, то увидим голые песчаные пустыни, чередующиеся с обширными болотами. Ни в пустыне, ни на болоте жить нельзя, и бедные деревушки местных арабов расположились в немногих удобных местах жалкими крошечными островками. В песчаных местах нет жизни; там воет юго-западный ветер, несущий тучи песка из соседней Аравии, насыпает холмы и дюны, в которых вязнет нога; на такой почве может расти только низкий колючий бурьян, по ночам оглашаемый воем голодных шакалов и гиен. Над болотами поднимаются испарения, но около них все-таки больше жизни. Вьются стаи птиц, зеленеет тростник, а в прилегающих к болотам более или менее увлаж-

ненных местах растут небольшие рощицы финиковых пальм. Только шесть недель, в ноябре и декабре, идут дожди, местами отвоевывая поле у пустыни. Не менее печален вид Сеннара (Нижней Месопотамии. – *В.Г.*) весной и летом, когда начинается пора изнурительной жары. Как осенью и зимой страна представляет собой песчаную пустыню, так весной и летом она является водяной пустыней. В начале марта быстро разливается Тигр, в середине марта начинает медленно разливаться Евфрат. В апреле воды разлившихся рек сливаются, и страна превращается в одно сплошное озеро...»

Это постоянное противоборство природных сил на юге Месопотамии не могло не волновать человека уже с глубокой древности, что нашло свое отражение прежде всего в религиозной сфере – в различных мифах и преданиях, например, в легенде о сотворении мира в Шумере и Вавилонии. Легенда навеяна двумя местными природными явлениями: изменением береговой линии Персидского залива, все дальше выдвигавшейся в море, и ежегодными разливами Тигра и Евфрата. «И то, и другое явление, – отмечает М.В. Никольский, – казалось шумерам жестокой борьбой воды и суши, причем суша, несмотря на всю ярость моря, неизменно побеждала». Суша не только не побеждена морем, но и отвоевала себе новые владения у морской стихии: бушующие волны принесли с собой огромные массы песка и ила, поднявшиеся со дна взбаламученного моря, и отложили их на низменном берегу, потом вода схлынула, а наносы остались, и таким образом суша выдвинулась в море. Такая же борьба и с таким же результатом ежегодно повторяется в долине двух великих рек.

Шесть недель идут зимние дожди, болота превращаются в озера, каналы и реки переполняются, бурлят и выходят из берегов. Дожди кончаются, выглядывает весеннее солнце, но торжество водной стихии как будто еще только начинается. Разливаются Тигр и Евфрат, еще не успевшие войти в берега после зимних дождей, и почти на четыре месяца страна превращается в сплошное море. Кажется, что земля навеки погребена под водой; но лучи солнца делают свое дело, и медленно, но неуклонно вода должна уступить место суше.

Илл. 3. Рыбачьи лодки на Тигре

Эти явления природы шумеры издревле объясняли действиями богов и борьбой между ними. Кто как не Энлиль, бог, живущий в горах, бог земной тверди, создает сушу, борется за ее торжество над водной стихией?

Водная стихия казалась двойственным началом: с одной стороны, она несет с собой разрушение, грозит человеку и другим живым существам смертью, подкатывается под храмы богов, размывая холмы, на которых они построены, как будто нет злее врага для богов и людей. С другой стороны, водная стихия содержит в себе и нечто созидательное: она орошает поля; когда разливаются Тигр и Евфрат, то над ними и среди вод их разлива пышно расцветает и растительная, и животная жизнь; густо разрастаются тростник и осока, вода кишит земноводными и рыбой, а над поверхностью вод кружатся мириады насекомых и летают стаи птиц. Эта грозная и в то же время живительная стихия казалась древним месопотамцам какой-то божественной силой.

Совсем иную картину наблюдаем мы в Северной (Верхней) Месопотамии, лежащей в сухой субтропической зоне. На ее севере простирается холмистая земля, куда влажные ветры со Средиземного моря приносят достаточно обильные зимние дожди для ранних посевов и где в древности местами росли кустарники. Несколько дальше к югу лежит второй район – сухие степи, но и здесь вдоль холмов можно сеять хлеб, почти или совсем не пользуясь искусственным орошением, а в степи достаточно растительности для прокорма стад. Водой из рек или колодцев поливают только сады и огороды. Большую часть года ландшафт гол и уныл, но весной вся степь покрывается травами и цветами.

Наконец, с севера и востока к этой холмистой равнине прилегает горная страна, которую называют сейчас Иракским Курдистаном. Он напоминает по форме полумесяц, один рог которого упирается в современный город Хоакин, а другой – в переправу через Тигр вблизи Файш-Хабура, где сходятся границы Сирии и Турции. Деревни – скопления каменных домиков, прилепившихся к горным склонам; пирамидальные тополя, а на горных террасах – плантации винограда и табака. В горах часто встречаются леса из низкорослого дуба и средиземноморской сосны.

Несмотря на очевидное географическое единообразие Ирак – это страна контрастов. Если степь на севере и болотистые низины на юге можно рассматривать как локальные варианты Великой Месопотамской равнины, то между равнинной и предгорной областями (не говоря уже о горных хребтах Загроса), между севером и югом существуют поразительные различия в рельефе, климате и растительности. И на протяжении многих тысячелетий можно отчетливо проследить противоборство и соперничество между Севером и Югом Месопотамии, или, если пользоваться историческими терминами – между Шумером (Вавилонией) на юге, с одной стороны, и Аккадом (Ассирией) на севере – с другой.

Вавилония и Ассирия занимали плодородные земли, находившиеся в стороне от огромного и пустынного Аравийского полуострова. Земли эти простирались на северо-запад от болотистых берегов Персидского залива вдоль рек и горных отрогов Загроса, Тавра и, наконец, Ливанского хребта, за которым открывались пути из Месопотамии к Средиземному морю и далее на юг, к Египту. Евфрат, особенно в нижней трети своего течения, резко отделяет плодородные земли Междуречья от пустыни. Тигр не создавал никакого четкого естественного рубежа на востоке. И это обстоятельство имело, конечно, свои важные политические последствия.

«Границы между Месопотамией и горными районами, расположенными вверх по Тигру на северо-восток и по верховьям Евфрата на севере, – пишет известный востоковед А. Лео Оппенхейм, – никогда не были стабильными. Через них осуществлялись контакты с теми районами, которые обеспечивали более или менее надежную связь с равнинами Внут-

ренней Азии. По тропам с гор доставляли такие важные материалы, как металлы (в особенности олово), драгоценные камни, ароматические вещества, строительный лес. В тот период в связи с ростом основанного на земледелии благосостояния жители равнины стали испытывать потребность в этих материалах. Лишь в редких случаях контакты с жителями гор носили миролюбивый характер. Горцы оказывали постоянное давление на жителей равнин. Последние давали отпор, но степень их сопротивления зависела от политической и экономической обстановки. Горцы проникали на равнины то в качестве работников или наемников, то как завоеватели... Через юго-восточную границу – побережье Персидского залива и прибрежные острова – Месопотамия осуществляла связь с Востоком (Оманом-Маганом или еще более отдаленной Мелуххой-Индией), откуда ввозили некоторые виды растений и животных, а также строительный лес и драгоценные камни. По причинам, не выясненным до сих пор, эта связь была прервана почти на тысячелетие – со времени Хаммурапи и вплоть до падения Ассирии.

Южной и юго-западной границей Месопотамии служил Евфрат с обширными пустынями по западному берегу. На юге (возможно, вдоль побережья) имели место спорадические контакты с местным населением; более регулярные контакты происходили в районе среднего течения Евфрата. Испытанными путями многократно вторгались и непрерывно просачивались даже за Тигр малые и большие племена кочевников, говорившие на семитских языках...

Последняя, западная граница предлагает ряд до сих пор нерешенных вопросов. Каково было ее значение в развитии, а возможно, и происхождении месопотамской цивилизации? Каковы все компоненты совместного влияния Малой Азии, побережья Средиземного моря и даже его островов, которое оказывалось при посредничестве Сирии? Процесс обмена происходил по нескольким проторенным путям, усиливаясь в периоды завоеваний и не прекращаясь даже во время войн и междоусобиц. Пути эти пролегли от излучины Евфрата к городам, расположенным на побережье Средиземного моря».

Таким образом, Нижняя Месопотамия (или Вавилония) – плоская лёссовая равнина, образованная наносами Тигра и Евфрата – обладала неисчерпаемыми земледельческими возможностями благодаря плодородию своих почв. Согласно сообщениям античных авторов (Геродот, Страбон и др.), урожаи пшеницы и ячменя давали здесь сам-двести и сам-триста, что больше, чем урожайность лучших пшеничных полей в современной Канаде. Правда, для практической реализации этого потенциала требовались колоссальные усилия местного населения по строительству каналов, плотин и дамб в целях обуздания строптивного нрава двух главных рек региона. Но когда это произошло, на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. именно Нижняя Месопотамия стала колыбелью первой высокой цивилизации нашей планеты – шумерской.

Вместе с тем, месопотамский Юг (в отличие от Севера) был практически лишен почти всех важных для человека природных ресурсов – строительного леса, камня, металлов и т. д. и т. п. Единственным «богатством» региона были глина, тростник и жидкий асфальт (битум). Поэтому южане вынуждены были с давних пор обменивать у своих соседей излишки сельскохозяйственной продукции на нужные материалы, что, естественно, способствовало развитию сначала межплеменного, а потом и межгосударственного обмена.

И все же мне хочется передать читателю представление о месопотамском климате не только из солидных трудов специалистов, но и из первых рук, исходя из своего немалого личного опыта.

«У природы нет плохой погоды...»

В городских условиях человек почти не ощущает погоды – не обращает внимания на ее капризы: дожди, ветры, грозы, снегопады. Погода важнее для сельского жителя – к ней приспособлен весь уклад его жизни.

Но особенно чувствуют погоду люди, вынужденные в силу своей профессии подолгу жить «в чистом поле» (в степи, в тайге, в пустыне, в горах) в палатках и шалашах, в легких избушках и домах-вагончиках: геологи, охотники, геодезисты, топографы, археологи. От тончайших нюансов местной погоды зачастую зависит не только успех всей их работы, но иногда и сама жизнь. Вот почему так пристально всматриваются они по утрам в едва светлеющее на востоке небо, проверяют направление и силу ветра, прикидывают свой путь в расчете на зной, дождь или снегопад.

Не была исключением и наша археологическая экспедиция в Ираке. И когда меня спрашивали в Москве знакомые: «Ну как там у вас в Ираке с погодой?» – я отвечал нарочито сдержанно и кратко: «Нормально». Это была игра, своеобразная защитная реакция человека, испытавшего на себе такие капризы иракской погоды, о которых можно долго рассказывать. Мое субъективное восприятие особенностей иракской погоды можно передать двумя словами – неистовство и непостоянство.

Это хорошо показал в своей краткой, но эмоционально насыщенной характеристике своеобразных природно-климатических условий Ирака немецкий историк Э. Церен. «Когда на севере в горах Армении, – пишет он в «Библейских холмах», – весной начинает таять снег, вода в реках прибывает. Половодье на Тигре начинается обычно в марте, на Евфрате – в апреле.

Илл. 4. Месопотамская равнина близ города Бейджи (Ирак)

В июне-июле вода достигает самого высокого уровня. Тогда-то благодатная влага обильно орошает поля и делает их плодородными. Но иногда реки неожиданно выходили из берегов, вода разрушала дамбы и уничтожала посевы. Тогда приходил голод. Умирали не только животные, но и люди. Голод настигал людей, если большая вода приходила несвоевременно или же ее было недостаточно для орошения полей. Голод настигал их и в том случае, когда вода бушующим потоком мчалась с гор, уничтожая поля, дамбы, посевы. Вода была чем-то священным, о чем надо было постоянно молиться, потому что это была вода и жизни и смерти... Лето в Двуречье длится долго. Оно начинается уже в середине марта и продолжается до конца ноября. Зима фактически длится не более восьми недель. Уже в феврале в оазисах зеленеют луга. Климат здесь более жаркий и сухой, чем в другой части света. Летом жара доходит до 50 градусов, превращая страну в желтый ад: желтый песок покрывает безжизненным слоем холмы и долины. Гигантские песчаные смерчи несутся над высохшими полями, угрожая задушить людей и животных. Дожди выпадают редко. А уж если и пойдет дождь, то это не просто дождь, а сильнейший ливень. Под сверканье ужасных молний превращает он землю в море грязи... Природа демонстрирует здесь, в этой необычной стране двух рек, всю свою мощь. Она выразительно показывает человеку, как он беспомощен. Она в любое время года, как бы играючи, перечеркивает все его планы, делает его послушным и кротким. Но она делает его и терпеливым».

Не знаю, испытал ли на себе лично автор «Библейских холмов» неистовый и могучий нрав иракской природы, но суть дела он передал удивительно точно и ярко. Конечно, север страны заметно отличается от более сухого и жаркого юга, но в целом и здесь мы наблюдаем поразительное сходство основных природных характеристик. Внезапно приходящие с гор разрушительные потоки-сели, грозы, пыльные бури, ветры, обложные, по неделе, дожди, невыносимая жара – все это представлено в избытке и в Синджарской долине. К тому же с середины апреля появляются змеи, скорпионы, фаланги и тысяченожки. И все же главная трудность заключается в непостоянстве местной погоды, которая может измениться в считанные дни и даже часы. За сутки перепады температуры достигают 20–30 градусов. Естественно, так же резко меняются атмосферное давление и влажность. Да и жара, знаменитая месопотамская жара – сама по себе вещь достаточно серьезная. Где-то в 20-х числах апреля весна в Ярым-тепе почти без паузы переходит в знойное лето: сушь, голубое небо, солнце. Температура днем поднимается до 35–40 градусов в тени. Правда, ночи еще довольно прохладные, так что можно хорошо выспаться и набраться сил. Настоящая летняя жара приходит в Синджарскую долину лишь в конце мая – июне. Для иллюстрации сказанного приведу несколько выдержек из своего экспедиционного дневника за 1973–1975 годы.

18 апреля

Вторая половина дня. С юга, с Аравийского полуострова, дует ветер – хамсин. Пыльно и душно. Термометр у дверей базы показывает 32 градуса. Над Синджаром собираются и заволакивают постепенно полнеба иссиня-черные тучи. Часов в девять вечера у нас разразилась невиданной силы гроза – редкая по ярости даже для этих мест. Сполохи молний длились по десятку и более секунд, освещая ночной мрак – хлебные поля, окрестные деревушки и наш лагерь – каким-то адским, призрачным светом фиолетового, зеленого и желтого цветов. Раскаты грома сотрясали степь на многие километры вокруг. А затем на наши выдавшие виды брезентовые палатки обрушился даже не ливень, а какой-то потоп. Ветер тоже свирепствовал повсюду, пытаясь сорвать с кольев и унести прочь наши легкие жилища. Эта бешеная круговерть стихий продолжалась часа полтора-два. Потом все утихло, и мы заснули.

Илл. 5. Синджарская долина на северо-западе Ирака

Утро встретило нас обложным дождем и холодом. Температура не больше 10 градусов, но к полудню дождь перестал, вышло солнце, и началась изнуряющая, хуже сухой жары, парилка – выпаривание избытков влаги из окрестных полей.

29 апреля

Казалось бы, за семь лет работы в Ярым-тепе мы уже должны ко всему привыкнуть. Но сюрпризы местной погоды поистине неисчерпаемы. К вечеру небо обложило темными, какими-то пепельно-серыми тучами. Стало душно и тихо. Покрапал редкий дождь, который вскоре прекратился, но посреди ночи, где-то около часа, вдруг подул с севера страшной силы ветер – холодный и неумолимый. Я проснулся оттого, что моя раскладушка как-то странно дергалась и норовила завалиться набок. Наша палатка звенела и стонала под ударами бури, как плохо натянутый дырявый парус старого галеона. А что если это хрупкое жилище не выдержит и рухнет нам на головы? Чертыхаясь, вылезаем из спальных мешков, надеваем телогрейки и на пронизывающем ветру укрепляем палатки: подтягиваем ту же веревки и глубже забиваем колья. Опять ложусь в кровать. Штормовая какофония продолжается с неослабевающей силой. Чтобы не слышать жуткого воя ветра и хлопанья старого брезента, кладу на голову подушку и довольно быстро засыпаю. Утро – солнечное и ясное, но ветер дует с севера с такой же неослабевающей силой, неся с собой леденящий холод.

15 мая

Жарко. Около четырех часов дня. Сидим на завалинке у дома на складных стульчиках и ведем неторопливый разговор, отдыхая после трудного рабочего дня и недавнего обеда. Вдруг откуда-то с северо-востока, из-за речки Абры, в лагерь врывается небольшой с виду смерч и в течение одной-двух минут сносит все наши палатки. Сила удара такова, что некоторые раскладушки отлетают в сторону метров на двадцать.

Особого рассказа заслуживают закаты и ночное небо в Ярым-тепе. Переход от дня к ночи совершается здесь поразительно быстро. Солнце сначала лениво и плавно спускается к темному горбу Синджарского хребта, полускрытого белесой знойной дымкой. К вечеру воздух остывает и становится прозрачнее. И сразу все вокруг приобретает привычные живые цвета. Над головой будто раскрывается сказочный небесный купол. Иногда на нем видны легкие перья облаков, подсвеченные снизу и окрашенные в теплые розовато-желтые цвета. А часов в шесть с небольшим багряный диск солнца мгновенно скатывается вниз и исчезает за гребнем гор, словно его дернул за веревочку невидимый великан. Приходят сумерки и долгожданная прохлада. Еще через 10–15 минут наступает чернильной густоты темень. Затем одна за другой зажигаются в небе звезды, выплывает серебристая луна, и ожившая степь сбрасывает с себя остатки знойной дневной одури. Всюду слышны шорохи и звуки невидимой жизни. Надо сказать, что небо здесь черное-пречерное, словно бархат, а звезды – необычайно крупные и яркие. Ими можно любоваться часами. Серебристая пыль Млечного Пути, яркие гроздья Ориона, Большой и Малой Медведиц. Ох уж этот Ярым! Любимый и ненавистный, умиротворенно-благостный и непримиримо-враждебный. Словом, сегодня, как и тысячелетия назад, природа в Синджарской долине по-прежнему ежеминутно и еже часно воздействует на жизнь человека, его быт, хозяйство, физическое состояние.

Глава 2 В поисках забытых городов

Более двух десятилетий назад известный американский историк С.Н. Крамер писал, что «археологические исследования, проведенные за последнее столетие в Египте и на Ближнем Востоке, обнаружили такие сокровища материальной и духовной культуры, о каких и не подозревали предшествующие поколения ученых. Благодаря наследию древних цивилизаций, извлеченному из-под толщи песка и пыли, в результате расшифровки древних языков, и восстановлению давно утерянных и забытых литературных памятников наш исторический горизонт сразу расширился на много тысячелетий».

И в этих словах нет никакого преувеличения. За сравнительно короткий срок археологи шагнули от времен, овеянных дымкой библейских преданий (конец I тыс. до н. э.), прямо к порогу первых городов и цивилизаций нашей планеты (IV–III тыс. до н. э.).

Великие культуры Шумера, Аккада, Вавилона, Ассирии и Египта неизмеримо обогатили наши представления о прошлом человечества. Но и это было лишь ничтожной частью того, что когда-то существовало. Полевые исследования в данном регионе по-настоящему только еще разворачиваются: они требуют значительных материальных средств и усилий большого числа людей – рабочих и специалистов. Стоит ли поэтому удивляться, что почти каждый новый сезон археологических раскопок на Ближнем Востоке – этой общепризнанной колыбели человеческой культуры – приносит самые неожиданные результаты. Но путь к успехам археологической науки был долог и труден.

«О Месопотамии, или Двуречье, лежащем между Евфратом и Тигром, – пишет польский историк З. Косидовский, – до самого конца XVIII века было мало что известно. Туманные сведения о бурном и богатом прошлом этой страны черпали из Библии, да из малочисленных и к тому же противоречивых описаний древних путешественников. Здесь, в Ниневии и в Вавилоне, господствовали, как утверждает Ветхий Завет, жестокие цари-воины, которых Иегова покарал своим гневом за идолопоклонство. Но многие европейцы уже в то время считали Библию сборником легенд, а рассказы о многолюдных городах и могущественных царях Ассирии и Вавилонии – по меньшей мере большим преувеличением». Представления об этих исчезнувших цивилизациях Древнего Востока исчерпывались легендами о Вавилонской башне и «висячих садах» Семирамиды.

Наиболее достоверные исторические сведения о Месопотамии относятся лишь к I в. до н. э. (трактат вавилонского жреца Бероса). Известно, что несмотря на непрерывные войны, бесчисленные вторжения завоевателей и смены правителей Месопотамия продолжала оставаться многолюдной и богатой страной, где процветали торговля и ремесла, искусство и архитектура.

«До той поры, пока оросительные каналы на этой территории, – отмечает З. Косидовский, – содержались в хорошем состоянии, ни одна война и ни одно вторжение завоевателей не смогли уничтожить плодородной земли. Разумная система каналов, распределяющая воды Тигра и Евфрата по широким просторам, являлась главным и единственным источником благосостояния Месопотамии. Люди не помнили, кто соорудил так умно и заботливо эти каналы. Никто даже не догадывался, что строители их жили за несколько тысячелетий до нашей эры в библейских городах Уре, Вавилоне и Ниневии. В Месопотамии сменялись правители, народы, культуры. После шумеров, аккадцев, ассирийцев и халдеев пришли сюда персы, потом – греки, а сельское население продолжало жить своей собственной жизнью, улучшая каналы и собирая урожай...»

В средневековье Месопотамия пережила период нового подъема. Одновременно с захватом страны мусульманами сюда из Дамаска был перенесен главный центр ислама.

Халифы сделали своей столицей Багдад, пышность, совершенство архитектуры и сказочное очарование которого стали легендарными.

Позднее страну захватили турки под предводительством сельджуков. Они создали Великую Багдадскую империю, но внешне мало что изменилось в этом краю. Сеть каналов и речных плотин сохранилась в целости несмотря на бурные, трагические события, и земля продолжала давать богатые урожаи. «И только целый ряд грабительских нашествий монголов во главе с Хулагу и Тамерланом превратили страну в пепелище. Была разрушена система каналов, и земля, лишённая живительной влаги, перестала родить, высохла и потрескалась под палящими лучами солнца и, наконец, превратилась в море летучей пыли... Цветущий край стал пустыней с загадочными курганами; по их безбрежным степям бродили кочевые племена. С тех пор на многие века люди забыли о существовании древней Месопотамии» (З. Косидовский).

Илл. 6. Автор книги В.Г. Гуляев (слева) на раскопках Телль-Магзалии, Ирак

Для большинства современных туристов первый контакт с древними памятниками Ирака вызывает только шок и разочарование. Их приводят на высокий холм и говорят, что здесь когда-то стоял древний город. Когда они подходят поближе, то иногда могут разглядеть такие чудесные сооружения, как башня-зиккурат в Уре или Ворота Иштар в Вавилоне. Но в большинстве случаев они видят лишь развалы сырцового кирпича и груды желтой земли, усеянной обломками керамики. И вот они теряются в загадках и удивляются – как же все это случилось?

Ответ на этот вопрос состоит в том, что эти древние города были построены только из глины. Камень исключительно редко встречается в Ираке, в то время как глина всегда под рукой. В очень ранние времена дома делались из пластов глины или бесформенных ее комков, спрессованных вместе. Но очень скоро удалось установить, что глина, смешанная с соломой, гравием или черепками керамики и помещенная в деревянные формы, дает хорошие кирпичи, которые нужно лишь высушить на солнце и скрепить друг с другом гипсовым

раствором. Конечно, обожженные в печах кирпичи были более прочными и долговечными, особенно когда их скрепляли битумом, но это был очень дорогой материал, так как дерево для его обжига было привозным и очень ценным топливом; по этой причине обожженные кирпичи использовались лишь для строительства «домов богов» (то есть храмов) и дворцов царей, да и то далеко не всегда. А большинство древнемесопотамских зданий возводилось из простых сырцовых кирпичей. Крыши строились из деревянных балок, на которые клались циновки из тростника, потом слой глины и гипса. Полы состояли из утрамбованной глины и иногда также покрывались гипсом. Стены обязательно покрывались слоем глиняной обмазки.

Такие дома, с их толстыми стенами, были довольно удобны, сохраняя прохладу в жаркие летние дни и тепло – зимой, но они требовали ежегодного обновления слоя глины на крыше после сезонных (зимних) дождей, а все отходы ремонтных работ смывались или выбрасывались на улицу или во двор дома.

Кроме того, мусор, выбрасываемый на улицы, постепенно повышал их уровень в сравнении с полами домов. При регулярном ремонте такие глинобитные дома могли просуществовать долгое время. Но наступало время, и случались неожиданные происшествия. Война, пожар, эпидемия, землетрясение, наводнение или изменение русла реки – итог был всегда один: поселение частично или полностью прекращало свое существование и покидалось жителями. Через какое-то время крыши зданий обрушивались, и стены, открытые теперь со всех сторон природным стихиям, падали, заваливая комнаты и скрывая все предметы, оставшиеся внутри после ухода обитателей дома. В случае войны разрушение поселка было, конечно, мгновенным – победоносный враг обычно сжигал его.

После ряда лет запустения новые поселенцы могли возродить селение, привлеченные его выгодным географическим положением или местными ресурсами, наличием водных источников и т. д. Поскольку у них не было средств для удаления огромной массы старых обломков и руин, они просто выравнивали разрушенные стены и груды кирпичей и использовали все это как фундамент для своих собственных, новых домов. Этот процесс повторялся несколько раз на протяжении времени и по мере накопления мусора и отходов жизни поселение постепенно все более и более возвышалось над окружающей равниной. Некоторые города были покинуты в древности и никогда больше не возродились, другие, типа Эрбиля и Киркука, продолжали непрерывно существовать с очень ранних времен до современности; однако подавляющее большинство поселений были заброшены в тот или иной период долгой истории Ирака. Нетрудно представить себе, что происходило потом: несомые ветром песок и земля проникали сквозь полуразрушенные стены внутрь зданий, засыпали улицы и все впадины и ямы; дождевая вода сглаживала поверхность руин и разносила вымытую отсюда глину далеко вокруг. Медленно, но неотвратно город принимал свою нынешнюю форму: округлого холма, или, как его называют арабы, телля.

Археологическое изучение Ирака

Превращение некогда цветущих городов в телли происходило даже намного быстрее, чем это можно вообразить. Геродот в V в. до н. э. видел Вавилон еще живым городом, но отказался от посещения Ниневии, разрушенной за полтора столетия до этого, а Ксенофонт, предводитель 10 000 греческих наемников, в 401 г. до н. э. промаршировал мимо великой ассирийской столицы Ниневии и даже не заметил ее. Четырьмя столетиями позднее Страбон говорит уже и о Вавилоне как о скоплении руин, «почти совершенно заброшенных людьми».

Прошли века, и, словно гигантский саван, пыль покрыла древние города, и она становилась все толще и плотнее, а память об этих городах постепенно улетучивалась. Арабские историки и географы еще кое-что знали о славном прошлом Ирака, но Европа абсолютно забыла Восток.

Западный интерес к древностям Востока проснулся лишь в XVII в., когда итальянский дворянин Пьетро делла Валле опубликовал свой отчет о путешествии в Месопотамию. С собой в Италию в 1625 г. он привез кирпичи из Ура и Вавилона, «на которых были начертаны неизвестные письмена». Постепенно в Европе поняли, что Восток – это достойный объект для изучения. В 1761 г. король Дании отправил в восточные страны научную миссию, дабы собрать там как можно больше информации обо всем интересном, включая и древности. Возглавил ее Карстен Нибур – математик по профессии. Именно он скопировал многочисленные клинописные надписи в Персеполе и предоставил их затем в распоряжение филологов, которые довольно быстро дешифровали эту загадочную письменность. Почти все европейцы, которые посещали Восток или проживали там, старались осмотреть древние руины, собрать древности и скопировать надписи. Среди них выделяются Жозеф де Бешамп – выдающийся французский астроном и священнослужитель (1786 г.), Клаудиус Джеймс Рич – резидент Ост-Индской компании и Генеральный британский консул в Багдаде (1807 г.), сэр Джеймс Букингэм (1816 г.), Роберт Мигнан (1827 г.), Джеймс Б. Фрэзер (1834 г.) и, конечно, наиболее выдающийся из всех – армейский офицер, спортсмен, исследователь и филолог сэр Генри Роулинсон (1810–1895 гг.).

Илл. 7. Российские и иракские археологи в Нимруде. Слева направо: И.Г. Нариманов, В.А. Башилов, О.Г. Большаков, А.В. Куза, Р.М. Мунчаев, Н.О. Бадер, Хазим (директор археологического музея в г. Мосул), Ясин (инспектор Иракского директората древностей)

Если не считать двух небольших шурфов, выкопанных Бешампом и Мигнаном в Вавилоне, все эти люди ограничивали свою деятельность осмотром и обмером руин и были весьма далеки от понимания того, что содержат внутри эти заброшенные холмы-телли.

Ботта открывает Ассирию

В 1843 г. Поль Эмиль Ботта, итальянец по крови и французский консул в Мосуле, произвел в Хорсабаде первые археологические раскопки в Ираке, открыл там дворцы ассирийцев и тем самым начал новую эру в исследованиях прошлого. Сам Ботта считал, что наткнулся на руины последней ассирийской столицы – Ниневии. Но последующие события показали, что на самом деле открыта летняя резиденция царя Саргона II – Дур-Шаррукин (VIII в. до н. э.): грандиозный комплекс дворцовых зданий, внутренних двориков, порталов, приемных залов, жилых помещений с множеством каменных барельефов и скульптур, в том числе – гигантских крылатых человеко-быков.

Ботта не был археологом и совершенно не знал методики полевых исследований – раскопки он вел самым варварским способом. В поисках каменных изваяний, которые могли бы украсить европейские музеи, Ботта не обращал внимания на то, что заступы и кирки рабочих навсегда уничтожали мелкие предметы, стены построек, хозяйственные сооружения, имевшие не меньшую ценность для познания прошлого Месопотамии. Многие алебастровые скульптуры, выкопанные из земли, без соответствующей консервации рассыпались в прах под палящими лучами солнца. К счастью, на помощь французскому консулу прибыл из Парижа известный художник Эжен Фланден, который стал ежедневно делать зарисовки гнущихся археологических сокровищ. В результате их совместной работы впоследствии появился великолепный труд «Монументы Ниневии, открытые и описанные Ботта, измеренные и нарисованные Фланденом».

Однажды Ботта решил отправить несколько крупных каменных изваяний во Францию по воде – сначала по реке Тигр, а потом, через порт Басру, перегрузив скульптуры на корабль, морем в Европу. Однако в том месте Тигр был особенно бурным и глубоким, плот с ценным грузом перевернулся, и все находки утонули. Вторая попытка оказалась более удачной, и вскоре гигантские статуи крылатых быков с человеческими головами заняли почетное место в залах парижского Лувра.

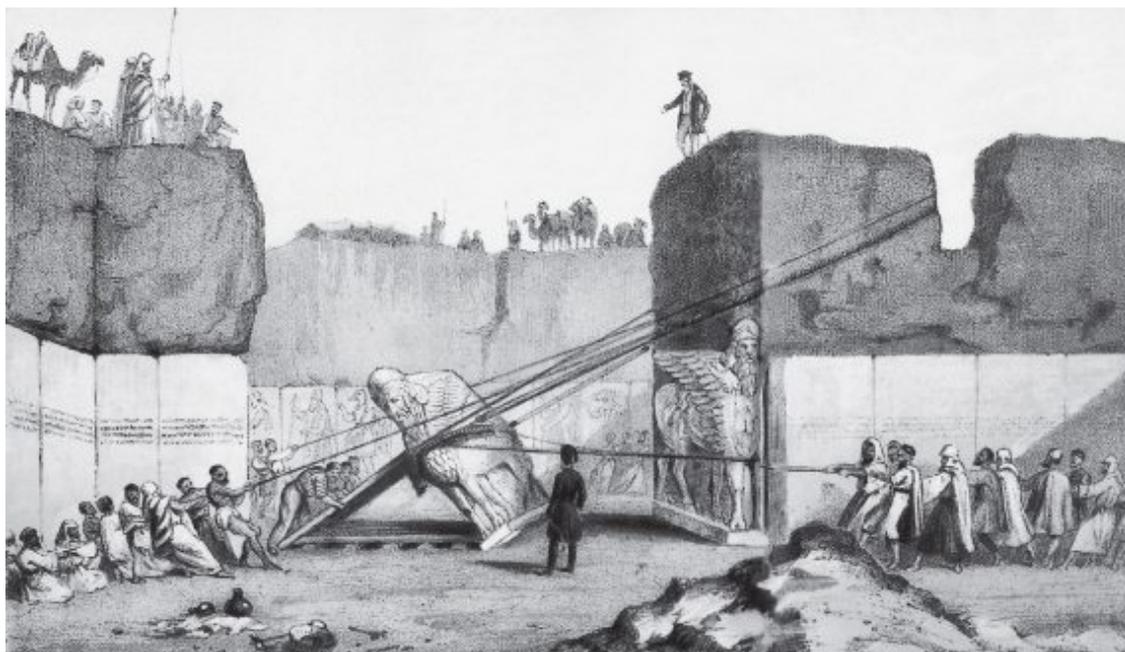
Лэйярд в Нимруде и Ниневии

Успехи французов не на шутку взволновали их извечных соперников – англичан. И когда путешествующий по Ближнему Востоку лондонский адвокат Остен Генри Лэйярд попросил у посла Великобритании в Турции денег на раскопки в районе Мосула, тот немедленно согласился. В ноябре 1845 года, наняв местных рабочих, Лэйярд приступил к исследованию большого телля в Нимруде (Кальху) в 30 км от Мосула.

Холм носил имя мифического царя Нимрода. Согласно Библии, он был не только хорошим правителем, но и искусным охотником. Его сын, Ашшур, считался основателем могущественного Ассирийского государства и первым строителем ассирийской столицы Ниневии. Местные арабы рассказали Лэйярду много преданий и легенд о Нимроде. По одной легенде, однажды Нимрод – человек гигантского роста и необычайной силы – высмеял посланца Аллаха, и разгневанный бог покарал его самым страшным образом: в голову насмешника проник комар и, медленно пожирая мозг, причинял великану невыносимые мучения. Эта пытка длилась 400 лет. Наконец Нимрод умер, а данный телль и есть его могила.

Уже в первый день раскопок были вскрыты стены большого здания (скорее всего, дворца), украшенные резными каменными плитами. А на третий день рабочие выкопали из земли огромную человеческую голову из камня. Когда все громадное изваяние было полностью очищено, перед обезумевшими от ужаса арабами предстал чудовищный лев с большими крыльями и человеческой головой. «О Аллах, – воскликнули они в изумлении. – Это дело не человеческих рук! Это сотворили злые духи! Еще пророк предостерегал нас от них!»

Но Лэйярду было наплевать и на легенды, и на пророка, и на страшный облик крылатого чудовища. Он приказал продолжать раскопки, а хорошие деньги, которые он ежедневно платил рабочим, вскоре примирили их с необходимостью взирать на новых каменных истуканов, появляющихся из земли. Находок было много. И надо сказать, что англичанин, в отличие от Ботты, сумел без потерь переправить тяжелые скульптуры на плотах по Тигру в Басру, откуда военный корабль доставил их в Лондон. Европа была потрясена. Но не менее были потрясены и местные арабы. Один из них, шейх Абд-аль-Харман, увидев статуи языческих богов и руины древних дворцов, в изумлении произнес: «Многие годы живу я в этой стране. Мой отец и отец моего отца разбивали здесь до меня свои шатры, но и они никогда не слышали об этих истуканах. Вот уже двенадцать столетий правоверные – а они, слава Аллаху, только одни владеют истинной мудростью – обитают в этой стране, и никто из них ничего не слыхал о подземных дворцах, и те, кто жил здесь до них, тоже. И смотри! Вдруг является чужеземец из страны, которая лежит во многих днях пути отсюда, и направляется прямо к нужному месту. Он берет палку и проводит линии: одну – сюда, другую – туда. „Здесь, – говорит он, – находится дворец, а там – ворота“. И он показывает нам то, что всю жизнь лежало у нас под ногами, а мы даже не подозревали об этом. Поразительно! Невероятно!»

Илл. 8. Раскопки О.Г. Лэйярда в Нимруде

Со временем, когда волнение от первых открытий несколько улеглось, Лэйярд нанял еще больше рабочих и начал раскапывать Нимруд сразу в нескольких местах. Результаты не заставили себя долго ждать. На поверхность были извлечены шестьдесят крылатых быков и львов с человеческими головами. Некоторые из этих фантастических чудовищ имели по пять ног, и Лэйярд терялся в догадках – зачем это понадобилось древним скульпторам? Но однажды, проходя мимо пятиногого быка, он внезапно заметил, что бык вздрогнул, сделав шаг вперед. Явный оптический обман, вызванный именно пятой ногой. Эти фантастические чудовища – «ламассу» – стерегли все входы во дворец и таким хитроумным способом должны были вызывать у людей суеверный ужас.

В ходе раскопок в Нимруде произошел случай, который живо напомнил о древних технических приемах месопотамцев по поднятию и транспортировке тяжестей. Дело в том, что некоторые крылатые чудовища, найденные здесь при раскопках, имели вес до 15 тонн и высоту с трехэтажный дом. Как же доставить их в Англию? Лэйярд приказал установить целую систему блоков над траншеей, и когда статую подняли на поверхность, то ее погрузили на огромную деревянную повозку, запряженную десятком быков. Но никакие понукания погонщиков не могли заставить флегматичных животных сдвинуть с места этот гигантский экипаж. Тогда англичанин запряг в повозку людей – более 200 рабочих, и уже они смогли доставить колосса к реке.

Много лет спустя, когда жизнь древней Ассирии перестала быть загадкой для науки, выяснилось, что Лэйярд перевозил статую тем же способом, что и ассирийские цари за две с половиной тысячи лет до него. Сотни, если не тысячи рабов-военнопленных, подгоняемых кнутами надсмотрщиков, волочили крылатых чудовищ к дворцам восточных владык. Во всяком случае, изображение подобной операции есть на каменных барельефах ассирийской эпохи.

Всего Лэйярд раскопал в Нимруде остатки семи царских дворцов, получив сотни скульптур и немалое число глиняных табличек с клинописными текстами.

Успехи исследований в этом древнем городе вдохновили Лэйярда на новые работы. Теперь главным объектом его раскопок стал холм Куйюнджик на берегу Тигра, напротив

города Мосула, где до него без особого успеха копали Джеймс Рич и Эмиль Ботта. И снова ему несказанно повезло. Уже в первые дни работ он наткнулся на мощные стены какой-то большой постройки. Постепенно, по мере ее расчистки, из земли появились на свет массивные порталы входов и охраняющие их крылатые чудовища с человеческими головами, комнаты, залы, внутренние дворики. Алебастровые плиты с резными изображениями и стены, облицованные кирпичами с черной, желтой и голубой глазурью, свидетельствовали о былой роскоши здания. Не оставалось никаких сомнений в том, что это – один из дворцов ассирийского царя. Но какого именно? Ответа пока не было.

Руины носили явные следы пожара и намеренного разрушения: разбросанные в беспорядке и разбитые на куски скульптурные алебастровые плиты, обугленные куски дерева, фрагменты мебели и убранства, – все говорило о том, что город был взят врагом после ожесточенной схватки и затем беспощадно разрушен. Но огонь уничтожил далеко не все. Лэйярд нашел среди руин дворца множество ценнейших образцов древнего искусства: барельефы, статуэтки, печати и клинописные глиняные таблички. Среди всего этого богатства особого внимания заслуживает один из замечательнейших шедевров древнемесопотамской скульптуры: изображение раненой львицы. «Пронзенная тремя стрелами, она ревет от отчаяния и бессильной ярости, – пишет З. Косидовский, – волоча по земле парализованные конечности. Талантливое произведение не только свидетельствует о знании анатомии, но и привлекает исключительным реализмом и силой воздействия, на которые способен лишь вдохновенный художник».

Илл. 9. «Голова Нимрода». Раскопки О.Г. Лэйярда в Нимруде

В одном из крыльев дворца Лэйярд открыл две отдельные комнаты, пол которых на добрых полметра покрывал слой глиняных табличек с клинописью. И англичанин понял, что совершил выдающееся археологическое открытие. В этих комнатах, несомненно, помещалась библиотека ассирийских царей, древнейшая библиотека в истории человечества. Тысячи глиняных табличек, которые некогда заполняли полки, а теперь валялись на земле, были сокровищем, не имевшим цены, и заключали в себе, быть может, всю историю Месопотамии. Лэйярд собрал все эти таблички – как целые, так и их обломки – и отправил в Лондон, в Британский музей.

Эти находки окончательно подтвердили предположение Лэйярда о том, что он открыл погребшую и давно разыскиваемую столицу Ассирии – Ниневию. Раскопанный дворец принадлежал, как это было установлено позднее, царю Синаххерибу, который правил страной с 704 по 681 г. до н. э. Но самая важная находка – библиотека из глиняных клинописных табличек – принадлежала не Синаххерибу, а его внуку Ашшурбанапалу (668–626 гг. до н. э.) – ценителю и коллекционеру древних текстов Шумера, Аккада, Ассирии и Вавилонии. Чтобы собрать в своих руках все нужные ему документы Месопотамии, он разослал по ассирийским владениям целую армию чиновников и писцов, которые либо добывали оригиналы интересующих царя табличек, либо копировали их. Таким образом, именно Ашшурбанапал создал первую крупную библиотеку, сохранившуюся до наших дней, а она дала нам в руки ключ к ассиро-вавилонской истории и культуре. «Клинописные таблички, – пишет Косидовский, – представляли собой несметные сокровища знаний о древних народах: династические своды и хроники, политические трактаты и дипломатическая корреспонденция, хозяйственные счета и астрономические исследования, предания, мифы, религиозные гимны и стихи, среди которых находилась древнейшая в истории человечества эпическая поэма» (имеется в виду «Эпос о Гильгамеше»).

Итак, успех следует за успехом. Лэйярд становится одним из самых популярных людей в Англии. С 1848 г. все британцы зачитываются его двухтомным сочинением «Ниневия и ее руины». В 1853 г. появляется следующая сенсационная книга удачливого археолога – «Ниневия и Вавилон». Но он вынужден прекратить свои раскопки в Месопотамии. Это произошло отнюдь не из-за денег. Денег теперь у Лэйярда было много. Мосульский климат подточил его здоровье, он заболел и в 34 года навсегда покинул Ирак. «Жизненный путь

Лэйярда с этого времени, – отмечает Э. Церен, – круто идет вверх. В 1852 г. он некоторое время занимает пост помощника государственного секретаря в Министерстве иностранных дел Великобритании. Затем его выбирают в парламент. С 1861 до 1866 года он опять помощник государственного секретаря, а в 1868 году становится министром общественного строительства... Должность посланника в Мадриде дает ему возможность в 1877 году стать послом Великобритании в Стамбуле – той стране (Турции. – В.Г.), где взошла его звезда, после того как он сбежал из унылых канцелярий Лондона. Уже в возрасте 70 лет Лэйярд пишет книгу о своих поездках в Иран и Месопотамию. В „Ранних приключениях в Персии, Сузиане и Вавилонии" он еще раз вспоминает о днях своей беспечной юности, когда, бросив юриспруденцию, он... ездил верхом через желтые пустыни и зеленые оазисы Тигра и Евфрата. Летом 1894 года в возрасте 77 лет Лэйярд навсегда закрыл глаза, которые видели так много таинственного и интересного на земле».

В заключение я приведу одно высказывание Лэйярда по поводу ассирийской скульптуры, сделанное им в его последней книге (1877 г.):

«Целыми часами я рассматривал эти таинственные символические изображения и размышлял об их назначении и истории. Что более благородное мог внести тот или иной народ в храмы своих богов? Какие более возвышенные изображения могли быть заимствованы у природы людьми, которые... пытались найти воплощение своим представлениям о мудро-

сти, силе и вездесущности высшего существа? Что могло лучше олицетворять ум и знания, чем голова человека, силу – чем туловище льва, вездесущность – чем крылья птицы?!

Эти крылатые человеко-львы не были просто случайным плодом, порожденным человеческой фантазией. Их внешний вид внушал то, что они должны были символизировать, – благоговение. Они были созданы в назидание поколениям людей, живших за три тысячелетия до нас. Сквозь охраняемые ими порталы несли свои жертвоприношения правители, жрецы и воины задолго до того, как мудрость Востока распространилась на Грецию, обогатив ее мифологию издавна известными ассирийцам символическими изображениями. Они были погребены под землей еще до основания Вечного города (Рима. – *В.Г.*), и об их существовании никто не подозревал. Двадцать пять столетий были они скрыты от взоров людей и вот появились вновь во всем своем великолепии».

Но романтика романтикой, а методы действий Лэйярда при раскопках отнюдь нельзя назвать абсолютно научными. Откопав кое-как в руинах дворцов ассирийских царей статуи и барельефы, он так спешил извлечь их из земли и отправить в Англию, что в своем рвении часто разбивал древние каменные скульптуры на куски или же брал лишь часть изваяний, оставляя большие их фрагменты на месте. Тем не менее, Ассирия была открыта. И по следам первопроходцев в Месопотамию устремились новые поколения археологов.

Рассам и библиотека Ашшурбанапала

В Ниневии с 1852 г. продолжил раскопки Ормузд Рассэм, бывший помощник Лэйярда, уроженец Мосула, айсор по национальности, прямой потомок древних ассирийцев. Он хорошо знал, что надо искать. Ему был нужен дворец Ашшурбанапала (библейского Сарданапала) – последнего великого царя Ассирии перед ее падением. И когда Рассэм обнаружил этот дворец в том же самом холме Куйюнджик, он каким-то подспудным чувством понял, что стоит на пороге величайшего открытия. В 1854 г. он нашел в руинах дворца большую библиотеку, которую ассирийский царь две с половиной тысячи лет назад собрал из всех значительных городов Месопотамии и поместил в своем дворцовом архиве. При падении Ниневии библиотека была разрушена вражескими войсками. Рассэм понял это сразу же. Но тогда он не мог знать об определенных опознавательных знаках, которые помогли потом привести в относительный порядок эту разоренную библиотеку и классифицировать 30 000 глиняных табличек, покрытых таинственной клинописью. В то время Рассэм едва мог читать то, что было написано на особых таблицах, скрепленных царской печатью:

Того, кто посмеет унести эти таблицы... пускай покарает своим гневом
Ашшури-Бэлит, а имя его и его наследников навсегда пусть будет предано
забвению в этой стране.

Даже если бы Рассэм и понял это предостережение, оно ни в малейшей мере не смутило бы его. В любом случае он бы отправил эти чудесные таблички в Лондон.

Лишь через 30 лет появилась возможность опубликовать каталог библиотеки Ашшурбанапала в пяти томах, озаглавленный как «Каталог клинописных таблиц Куйюнджикского собрания Британского музея». Издал его немецкий ассириолог Карл Бецольд из Гейдельбергского университета, которого специально с этой целью пригласили в Лондон. Бецольд уже смог свободно прочесть тексты, начертанные рукой царя Ашшурбанапала на двух особых табличках:

Я, Ашшурбанапал, постиг мудрость Набу, все искусство писцов, усвоил знания всех мастеров, сколько их есть, научился стрелять из лука, ездить на лошади и колеснице, держать вожжи... Я изучил ремесло мудрого Адапа, постиг скрытые тайны искусства письма, я читал о небесных и земных постройках и размышлял над ними. Я присутствовал на собраниях царских переписчиков. Я наблюдал за предзнаменованиями, я толковал явления небес с учеными жрецами, я решал сложные задачи с умножением и делением, которые не сразу понятны... В то же время я изучал и то, что полагается знать господину; и пошел по своему царскому пути.

Да, Рассэм не смог бы прочесть это. А зря: предостережение царя Ашшурбанапала по поводу людей, покушавшихся на его бесценную библиотеку, возможно, остановило бы преемника Лэйярда от святотатства в развалинах Ниневии и тем самым уберегло бы его от большой беды. В 1864 г. Рассэм в качестве британского дипломатического уполномоченного едет в Абиссинию. И там его настигает несчастье, о котором ассирийский царь, будь он еще жив, услышал бы с большим удовлетворением. Когда новоиспеченный дипломат потребовал у абиссинского императора освобождения нескольких английских пленников, африканский властитель, не долго думая, засадил в тюрьму и самого Рассэма.

Четыре долгих года томился он в сырых казематах, пока его не освободила английская военная экспедиция. С надломленным здоровьем возвращается Рассэм в Лондон, порывает с дипломатической службой и становится хранителем древневосточных коллекций в Британском музее.

Джордж Смит и «Всемирный потоп»

Глиняные «книги» из хранилища Ашшурбанапала изучали ученые многих стран, и видное место среди них занимает англичанин Джордж Смит. Он родился в 1840 г. в Лондоне в бедной семье и уже с 14 лет стал трудиться в гравировальной мастерской. Способный мальчик быстро овладел довольно сложным искусством – вырезать на металле самые трудные узоры и надписи. А в свободное от работы время Смит бежал в Британский музей, чтобы посмотреть на ассирийских крылатых быков, выкопанных в Нимруде Лэйярдом. Так родилось горячее желание: узнать как можно больше о таинственном древнем народе – ассирийцах. Все вечера молодой гравер стал проводить в библиотеке Британского музея, самостоятельно изучая клинопись по книгам Генри Кресвика Роулинсона – английского офицера и дипломата, сумевшего скопировать знаменитую Бехистунскую надпись, высеченную клинописными знаками на высокой скале в Персии на трех разных языках: древнеперсидском, эламитском и вавилонском. Роулинсон же предложил и способ дешифровки клинописи. В 1861 г. он выпустил четыре тома о клинописных текстах Древнего Востока. Случилось так, что для опубликования этих томов потребовался опытный гравер, способный вырезать на металлических досках клинописные знаки с ассирийских и шумеро-аккадских глиняных табличек, и выбор пал на Джорджа Смита. Тот успешно справился с этой ответственной задачей, и благодарный Роулинсон помог талантливому самоучке получить должность научного работника в Британском музее и целиком посвятить себя проблемам быстро развивающейся ассириологии. С неописуемым рвением изучает Смит один клинописный текст за другим, кстати – все они происходили из библиотеки Ашшурбанапала. Ему удалось установить, что четыре из названных в Библии израильских и иудейских царей являются современниками ассирийского владыки Тиглатпаласара III (747–727 гг. до н. э.). Это было одно из первых сенсационных сведений, извлеченных из глиняных табличек Ниневии и подтверждавших достоверность библейских данных о властителях Палестины. А вскоре Джордж Смит (ему не было тогда еще и 27 лет) сумел прочесть важный клинописный текст – историю царствования Ашшурбанапала. Стало, наконец, понятно и то, как этот царь собирал свою библиотеку.

Илл. 10. Дж. Смит

Илл. 11. Г.К. Роулинсон

Но самая большая сенсация разразилась в 1872 г., когда бывший гравер, к тому времени уже крупный ассириолог, объявил о том, что нашел среди сокровищ из собрания Ашшурбанапала обломок клинописной глиняной таблички с преданием о всемирном потопе, хорошо известном христианам всего мира по библейской легенде. Прочитанный Смитом текст гласил, что боги разгневались на людей и решили покарать их с помощью страшного наводнения. Много дней шли проливные дожди. Земля была затоплена водой. Люди погибли. И только благочестивый Утнапиштим со своей семьей по совету мудрого бога Эа спасся от гибели. Он построил огромный корабль, хорошо просмолил его и, погрузив туда, кроме родных, свое имущество, скот и «разной твари по паре» (представителей животного и растительного мира), смело встретил грянувший потоп. После шести дней этой вселенской катастрофы вода стала спадать, появилась земля в виде вершины горы Нисир, куда и пристал ковчег. Боги, опечаленные гибелью человечества, решили помиловать Утнапиштима и его домочадцев. Именно от них и произошли потом остальные люди.

Немецкий историк К.В. Керам писал: «Итак, вторая половина XIX века ознаменовалась открытием, из которого стало очевидно, что существуют сказания древнее библейских, которые связывают Библию с языческой ассирийской и вавилонской, а может быть, и с еще более древней традицией. Это было потрясающее открытие. Не удивительно, что им заинтересовалась широкая общественность. Издатель крупнейшей лондонской газеты „Дейли телеграф“ предоставил неимущему Смигу средства для экспедиции в Ниневию, где Смит должен был отыскать недостающие таблички ассирийской версии о всемирном потопе». И он действительно обнаружил там среди отвалов и мусора от предыдущих раскопок недостающие фрагменты таблички с началом легенды о потопе.

Однако Джорджу Смигу не суждено было продолжить свои успешно начатые исследования в области ассириологии. Он умер в Багдаде в возрасте всего 36 лет во время эпидемии чумы.

Открытие шумеров

Опираясь на результаты анализа ассиро-вавилонской клинописи, филологи все больше убеждались в том, что за спиной могущественных царств Вавилонии и Ассирии существовал когда-то более древний и высоко развитый народ, который и создал клинописное письмо, а потом исчез без следа. Одни ученые окрестили этот народ шумерами, другие – аккадцами. Оба названия были заимствованы из дешифрованной надписи, в которой семитский царь Саргон величает себя «царем шумеров и аккадцев».

Вопрос о существовании шумеров оставался в сфере научных предположений и гипотез вплоть до 1877 г., когда французский консул в Басре Эрнест де Сарзек не нашел в районе Телло (на юге Ирака) у подножья высокого телля каменную статую, не похожую на ассирийскую и вавилонскую скульптуру. Ободренный этим открытием, он решил начать на телле широкие раскопки, хотя раньше археологией никогда не занимался. В итоге почти пятилетних работ (1877–1881 гг.) де Сарзек получил многочисленные глиняные таблички с клинописью, каменные скульптуры, обломки керамики. Все свои находки консул благополучно переправил в парижский Лувр.

«Среди многих вновь найденных предметов, – отмечает З. Косидовский, – находилась статуя из зеленого диорита, изображающая царя-жреца города Лагаша. Статуя оказалась более архаичной по стилю, чем все до той поры выкопанное в Месопотамии. Даже самые осторожные ассириологи вынуждены были признать, что эту скульптуру следует отнести к IV или III тысячелетию до н. э., а это означало, что она существовала еще до возникновения ассиро-вавилонской культуры».

Ботта, Лэйярд, де Сарзек, Смит и Роулинсон – пионеры этой первой, героической эпохи в истории месопотамской археологии – все были дилетантами от науки в прямом смысле этого слова. Они не имели никакого археологического опыта и мало что смыслили в методике раскопок. Главной их целью было открыть и отправить в музеи Европы статуи, рельефы, надписи и другие произведения искусства. Они не обращали внимания на стены построек из сырцового кирпича и на россыпи разбитой керамики. На пути к желанным находкам они безвозвратно уничтожали многие важные свидетельства древнемесопотамской культуры. Но ведь они были первыми, кто проложил дорогу к последующим эпохальным научным свершениям. Поэтому не будем судить их слишком строго.

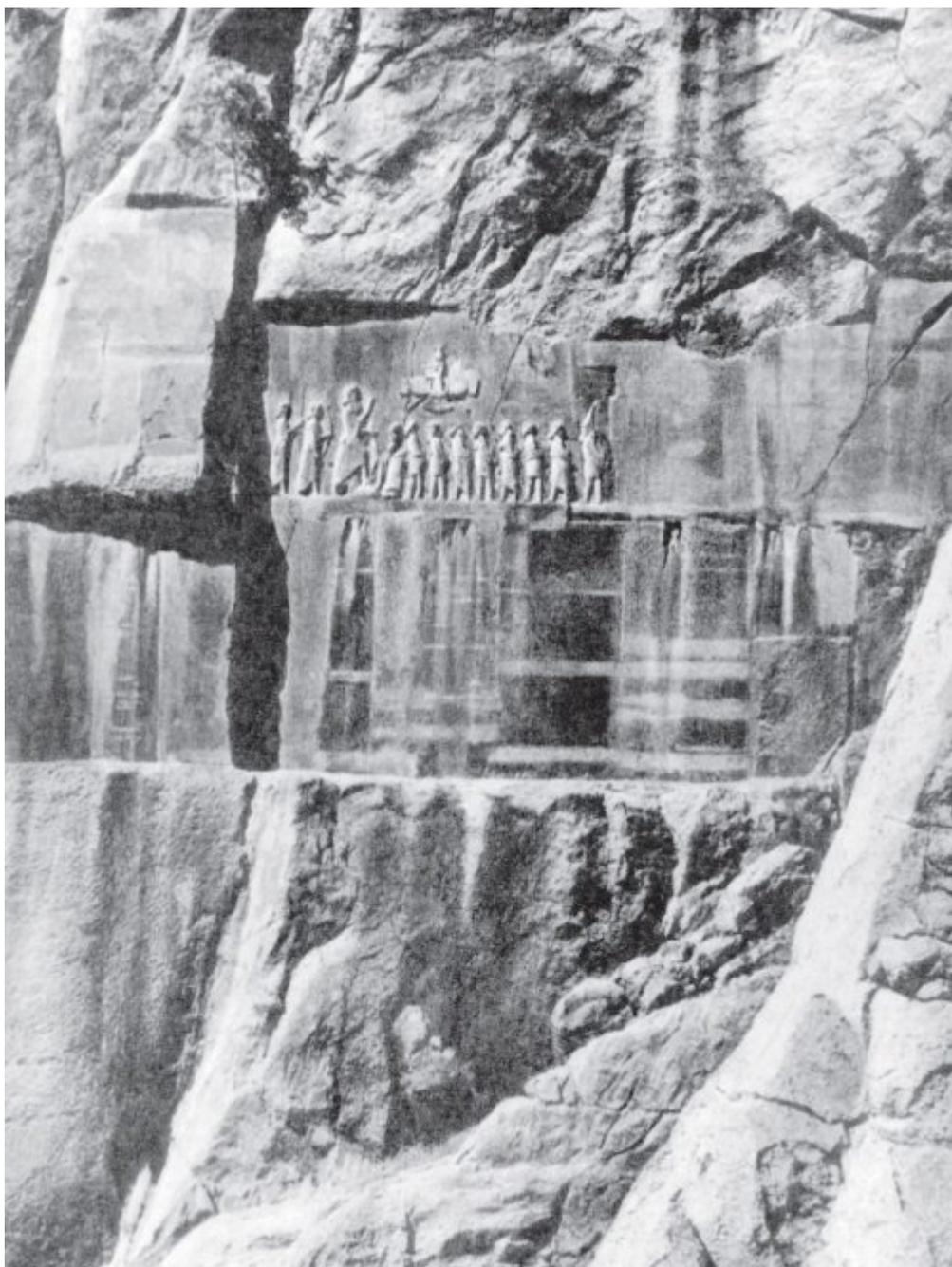
Разгадка секретов клинописи

Между тем в библиотеках, университетах и музеях Европы другие ученые были заняты необычайно сложной задачей по дешифровке древних клинописных документов, добытых в ходе предшествующих раскопок. Эта интеллектуальная эпопея длилась около ста лет, и в нее были вовлечены многие специалисты из нескольких стран. Поэтому она не может быть изложена здесь подробно. Особые заслуги в этой области знания принадлежат немцу Георгу Фридриху Гротефенду – учителю латыни и древнегреческого в гимназии города Геттинген. Он был страстно увлечен тайнами древнеперсидской клинописи, образцы которой еще в XVIII в. зарисовал среди руин Персеполя – столицы империи Ахеменидов – датский ученый Карстен Нибур. Для начала молодой учитель изучил всю историческую литературу по древней Персии, а также имена местных царей в греческой транскрипции. Затем, опираясь на исследования индогерманских языков, он сумел установить подлинные староиранские имена тех же царей. Это дало ему основание предположить, что каждый клинописный знак означает букву – звук.

Дальнейшая работа над клинописными текстами привела Гротефенда к догадке, что повторяющиеся за каждым именем царя группа знаков выражает широко распространенный в Персии титул «царь царей».

Но самое интересное его наблюдение в другом – он установил, что лишь одно царское имя всегда встречается без данного титула. Отсюда Гротефенд сделал вывод – это имя должно принадлежать отцу великого персидского царя Дария, который никогда не был царем.

«Вот это-то и был тот рычаг, – пишет Э. Церен, – при помощи которого Гротефенд сумел установить три имени царей из династии Ахеменидов (Гистасп, Дарий, Ксеркс) и титул „царь царей“. Это дало ему, в свою очередь, возможность определить звуковое значение 12 знаков древнеперсидской клинописи. В 1802 г. 27-летний учитель из Геттингена при содействии местной академии опубликовал результаты своей дешифровки».

Илл. 12. Рельеф и надпись на Бехистунской скале

В 1837 и 1844 гг. Генри Роулинсон не только скопировал с риском для жизни большую трехязычную надпись, высеченную царем Дарием на вершине Бехистунской скалы в Западном Иране, но и дешифровал ее. Текст надписи был сделан клинописью на древнеперсидском, вавилонском и эламитском языках – так называемая «трилингва», которую ученые окрестили впоследствии «Розетским камнем ассириологии», с тем лишь отличием от древнеегипетского монумента, что ни один из этих трех языков сначала не мог быть прочитан. Дешифровка Бехистунской надписи – еще один важный шаг на пути прочтения клинописи. В дальнейшем «святая троица» ученых – англичанин Эдвард Хинкс, француз Жюль Опперт и все тот же Генри Роулинсон – осуществила решающий прорыв в прочтении клинописи, как древнеперсидской, так и ассиро-вавилонской, преодолев на своем пути огромные трудности. По словам одного современного ассириолога-лингвиста, «именно они открыли пыльные

страницы глиняных „книг“, погребенных в глубинах земли по всему Ближнему Востоку». Таким образом, ключ к прочтению глиняных табличек с ассиро-вавилонской клинописью дала клинопись древнеперсидская, навеки врезанная в Бехистунскую скалу и каменные руины Персеполя. А к 1900 г. уже и более древние шумеро-аккадские клинописные тексты свободно читались специалистами.

Илл. 13. Г. Гротефенд

По самым скромным подсчетам ученых, в настоящее время известно около четверти миллиона глиняных табличек с клинописью из Месопотамии, запечатлевших главные этапы развития ее цивилизации, с III тыс. до н. э. и до рубежа н. э. Поскольку многие из этих «глиняных книг» не были еще прочитаны и опубликованы, то ученый мир ждут еще многие чудесные открытия. Каждый год не прекращающихся раскопок в месопотамских землях приносит все новые и новые находки текстов. Иногда их количество просто поражает. Итальянские археологи, например, открыли в 70-х годах XX века в руинах древней Иблы (Эблы) в Сирии архив из 25 000 клинописных табличек конца III тыс. до н. э. Можно, таким образом, без особого преувеличения сказать, что ни одна страна в мире не содержит в своей земле такого фантастического богатства древних письменных источников, оставшихся почти в том же самом виде, в каком они были написаны тысячи лет назад.

«Германия превыше всех»

Но вернемся к месопотамской археологии. В конце XIX века на равнины Месопотамии выходят ученые Германии, а вместе с ними начинают формироваться строго научные археологические методы полевых исследований. Эти события связаны с именами Роберта Кольдевей и Вальтера Андре. Обширную и целенаправленную программу археологических исследований в Месопотамии поддерживал Германский археологический институт и щедро финансировали Берлинский Музей народоведения и особенно Германское Восточное Общество. Германия к концу XIX в. стала одной из великих держав Европы, и немцы не хотели отставать от англичан и французов даже в такой необычной области, как месопотамская археология. К этому, несомненно, примешивались также существенные экономические и политические интересы промышленно-финансовых кругов Германии в ближневосточном регионе.

В 1898 г. Роберт Кольдевей начал раскопки Вавилона. Ему исполнилось в тот момент 43 года, и он уже отнюдь не был новичком в археологии. Он получил великолепное образование в Берлине, Мюнхене и Вене, изучая там архитектуру, историю искусства и археологию. До тридцати лет он успел принять участие в раскопках многих античных и древневосточных поселений на островах Эгейского моря, в Италии, на Сицилии и в Месопотамии (Сюргул и Эль-Хибба в Ираке и ряд мест в Сирии).

«Кольдевей, – пишет известный немецкий историк К.В. Керам, – был необычным человеком, а по сравнению с коллегами по профессии – и необычным ученым. Любовь к археологии, к науке, которая выглядит в публикациях специалистов весьма скучной, не мешала ему наблюдать людей, изучать страну, все видеть, все подмечать, на все реагировать». Кольдевей давно мечтал «подступиться» к грандиозным руинам Вавилона, находившимся в 90 км к югу от Багдада в пустынной местности. Однако он прекрасно понимал и все трудности этого необычного проекта – четыре огромных холма из щебня, земли и мусора. В них уже прежде неоднократно пытались проникнуть многие европейцы – Френель, Опперт, Лэйярд, Рассэм и Роулинсон. Все они знали, что под этими искусственными горами должен лежать легендарный Вавилон, но без гигантских по масштабам раскопок доказать это было невозможно. Город, даже если судить по описаниям «отца истории» Геродота, побывавшего в нем в V в. до н. э., имел огромные размеры. Попытки проникнуть в его тайны требовали намного больше сил и средств, чем стоили раскопки всех уже открытых в Месопотамии древних городов. И Кольдевей добился от своих спонсоров выделения для экспедиции колоссальной по тем временам суммы в 500 000 золотых марок и проведения в течение пяти лет археологических работ в Вавилоне. Он проработал там почти 19 полевых сезонов, до 1917 г., и покинул свой экспедиционный лагерь только после того, как английские войска захватили Багдад. Первая мировая война близилась к концу, и немцы и их союзники терпели поражения на всех фронтах.

В марте 1898 г. Роберт Кольдевей отправился из Германии в далекий путь не один: его сопровождала целая группа архитекторов, ассириологов и лингвистов. На месте, в деревушке Квейреш, стоявшей прямо на руинах Вавилона, было нанято более 200 арабских рабочих. И работа закипела. Первым объектом раскопок стала искусственная гора щебня, которую местные жители называли Каср (арабск. «крепость, замок»). Немцам неслыханно повезло. «Уже при первых пробных шурфах на Касре они нашли улицу, вымощенную большими плитами, часть которых была покрыта надписями. Это были надписи царя Навуходоносора, свидетельствующие о том, что археологи обнаружили здесь священную дорогу процессий – улицу для торжественных шествий в честь Мардука – «божественного господина Вавилона». Повсеместно попадающиеся кирпичи, покрытые цветной эмалью и рельефами,

ясно говорили о том, что именно здесь и находилась эта искусно построенная «дорога». По описаниям античных авторов и древних клинописных табличек эта улица являлась основным «нервом» религиозной, социальной и политической жизни огромного города. Теперь, после ее открытия, легче было вести поиски и остальных важнейших объектов Вавилона – царских дворцов и храмов.

Однако успехи успехами, но и трудностей тоже появилось немало. Во-первых, несмотря на многочисленность рабочих, выносивших из раскопов мусор в корзинах, дело шло очень медленно, если учитывать гигантские размеры телля Каср. Пришлось выписать из Германии узкоколейную железную дорогу с вагонетками. И проблема вывоза мусора и земли была решена. Во-вторых, много неприятных сюрпризов преподносила археологам и местная погода: дикая летняя жара (до 52 °С в тени), тучи мух и комаров, пыль, грязь, песчаные бури с Аравийского полуострова, отсутствие хорошей питьевой воды.

Тем не менее, с чисто немецкой пунктуальностью Кольдевей упорно осуществлял намеченный план изучения Вавилона. Были открыты царские дворцы (дворец Навуходоносора II), «Висячие сады», фундамент «Вавилонской башни», руины храмового комплекса главного городского божества – Мардука, могучие оборонительные стены. Особую радость вызвала находка знаменитых ворот богини Иштар, открывающих доступ к «Дороге Процессий» и сплошь облицованных глазурованными голубыми кирпичами, на которых рельефом изображены быки и фантастические звери. Однако в конце концов выяснилось, что немецкая экспедиция за многие годы раскопок вскрыла лишь центральную часть Вавилона VII–VI вв. до н. э. Путь к более ранним слоям (а город существовал по крайней мере с конца III тыс. до н. э.) преграждали подпочвенные грунтовые воды. Видимо, их уровень сильно повысился по сравнению с древностью.

Германское Восточное Общество (промышленников) оказало щедрую финансовую поддержку и другому выдающемуся немецкому археологу – Вальтеру Андре. Он в течение 12 лет (1902–1914 гг.) исследовал руины первой столицы Ассирийской державы – Ашшура. Древний город расположен на излучине Тигра, на скалистом утесе вблизи современного иракского городка Калат Шергат. Надо сказать, что хотя к концу XIX века благодаря предшествующим раскопкам местонахождение двух более поздних ассирийских столиц – Нимруда и Ниневии – было уже хорошо известно ученому миру, где именно искать самый ранний и почитаемый центр ассирийцев – Ашшур, названный так в честь главного бога (а это, в свою очередь, определило название страны и название народа: Ассирия, ассирийцы), никто не имел ни малейшего представления.

Вальтер Андре, как и Кольдевей, архитектор по образованию, еще в молодости увлекся археологией. С 1899 г. он работал вместе с Кольдевеем в Вавилоне. Его можно отнести уже к третьему поколению ученых, которые ломали голову над бесчисленными тайнами древних месопотамских теллей. И именно он во многом разработал и успешно применил на практике ту строго научную методику полевых исследований в Месопотамии, которая там используется (естественно, с соответствующими модификациями) до сих пор. Для него при знакомстве с месопотамскими реалиями вскоре стало ясно, что не так уж важно раскопать среди древних развалин как можно большее число экспонатов, которыми потом в прохладных залах музеев будут по воскресеньям любоваться посетители. Гораздо важнее наблюдать в самой земле за ходом развития культуры и истории данного поселения или города. И главное, что понял Андре, – это необходимость уметь различать на фоне желто-коричневой месопотамской земли (лесса, аллювия) стены древних построек, сложенных из сырцового кирпича – той же желто-коричневой глины. Другой важнейший постулат новой методики – копать постепенно, по слоям, двигаясь от вершины телля к его основанию.

Начиная раскопки безымянного городища у селения Калат Шергат, Андре не знал еще, что перед ним – руины древнего Ашшура. Но очень скоро фортуна улыбнулась ему. На куль-

товом каменном столбе, датируемом XIII в. до н. э., археолог прочитал написанное клинописью имя ассирийского царя Тукульти Нинурты I. Здесь же были изображены человеческие фигуры, несущие знамена. Затем были найдены стены дворцов, облицованные большими алебастровыми плитами и окрашенные в пурпурно-красный цвет. На рельефах изображены крылатые существа с орлиными и человеческими головами. На головах – бычьи рога.

В течение тех долгих лет, которые Вальтер Андре провел на выжженных солнцем скалах Ашшура, постепенно выявился план застройки древнего города. Здесь была своя ступенчатая башня-зиккурат. К ней примыкала пристройка, тянувшаяся до берега Тигра. Там находились священные ладьи, на которые в праздник Нового года во время торжеств приносили статуи всех богов из храмов города. На ладьях боги покидали Ашшур, чтобы через несколько дней вновь вернуться в свои святилища. Для этой цели от берега Тигра до храмов была проложена, как и в Вавилоне, «дорога процессий».

Были раскопаны также храмы главного бога Ассирии – Ашшура и весьма почитаемой богини Иштар. Но особое потрясение испытал Андре при открытии склепов нескольких поколений ассирийских монархов, находившихся в подземных камерах с куполообразными потолками. Стены были облицованы каменными пластинами, на которых 18 раз выбито клинописью имя соответствующего царя. Но все склепы оказались пустыми: их ограбили еще в древности. Лишь в одном из них археолог нашел разбитый на куски каменный гроб. Он собрал все фрагменты и отправил в Берлин. Там гроб с трудом восстановили. Некогда он состоял из единой 18-тонной каменной глыбы длиной 3,85 и шириной около 2 метров. Высота – примерно 2 метра. Как же, каким образом и кто мог разрушить этот колоссальный саркофаг? «Очевидно, – пишет Э. Церен, – его облили нефтью, а затем подожгли, чтобы раскалить камень. Потом лили на него холодную воду, и гроб раскололся... После того как в Берлине восстановили царский гроб, ученые Берлинского музея прочитали последнюю из начертанных на нем надписей: «Дворец Ашшурнасирпала, царя Вселенной, царя Ашшура». Вероятно, гробница была ограблена в период крушения ассирийской державы в конце VII в. до н. э., царский труп сожгли или бросили в Тигр, гроб взорвали и сам склеп в конце концов разрушили». В таком виде, разграбленными и разрушенными, нашел Андре гробницы многих ассирийских царей, перед которыми когда-то трепетал весь мир. *Sic transit gloria mundi!* «Так проходит былая слава!»¹. Нужно напомнить и о том, в каких тяжелейших условиях приходилось работать здесь немецкой экспедиции. «Скопища мух днем и скопища комаров ночью, – жаловался Андре, – сразу же отравляют жизнь в этом краю, лишенном растительности. Только изредка проходят здесь караваны из Мосула или из Багдада. Кто хочет жить и работать в этой пустыне, должен запастись терпением и проявлять огромный интерес к своей работе. Он должен научиться переносить весной, летом и осенью мучительные укусы песчаных мух, вызывающие сильный зуд; он должен преодолеть возникающую от этих укусов лихорадку, которая сопровождается болями в суставах, сильной потливостью и температурой выше 40 градусов».

А ведь Ашшур – это еще не настоящая пустыня, и прямо под остатками его стен течет полноводный Тигр! Что же говорить о юге Месопотамии, где находились древнейшие центры месопотамской цивилизации – города шумеров.

И здесь мы переходим к третьему эпизоду германской археологической эпопеи в Ираке – раскопкам одного из самых ранних шумерских городов – Урука (Варки). Работы начались в 1912 г., но их вскоре прервала Первая мировая война. Лишь через 14 лет вернулись сюда немецкие археологи, и, если не считать перерыва на Вторую мировую войну (1939–1946 гг.), они копают местные древности до сих пор. В разное время этой экспедицией

¹ Уже в наши дни, в 1989–1990 гг., иракские археологи нашли в Нимруде полностью сохранившиеся гробницы двух ассирийских цариц с неисчислимыми сокровищами. См. об этом ниже в этой же главе.

руководили разные люди. Среди них можно упомянуть имена Юлиуса Иордана, Конрада Прейсера, Вильгельма Кенша, Юлиуса Ленцмана.

Уже первые траншеи, заложенные на теллях Варки, дали клинописные таблички с именем погребенного города – Урук. Библия называет его Эрех, упоминая сразу же после Вавилона. Древние греки знали об Эрехе, называя его Орхон. Потом это имя исчезло из истории. В III в. н. э. Урук был покинут своими жителями и больше не возродился.

Что же дали науке многолетние раскопки немецкой экспедиции в Уруке? Они, прежде всего, показали, что Урук был городом, где свершилось самое значительное событие в истории человеческой культуры – на урукской земле впервые обозначился порог, через который шагнули люди из тьмы веков дописьменного периода в жизнь, освещенную уже светом письменности. Действительно, именно в Уруке в конце IV тыс. до н. э. впервые появилось клинописное архаическое письмо (протописьменный период в истории Месопотамии). Однако все эти годы немцы копали лишь несколько храмовых комплексов в самом центре города – комплексы святилищ богов Ану (бога неба) и Инанны-Иштар (богини любви и плодородия), оставляя в стороне жилые кварталы и укрепления Урука. Тем не менее многометровые напластования построек на исследованном участке и содержащиеся в них предметы позволили ученым проследить первые этапы зарождения шумерской цивилизации: культовая архитектура, цилиндрические резные печати, каменные сосуды с рельефными изображениями, мраморная голова богини Инанны и т. д. и т. п. К тому же следует напомнить и об ужасных природно-климатических условиях юга Месопотамии – плоской, выжженной солнцем лессовой равнины.

Раскопки в Уре (Леонард Вулли)

Впрочем, все эти «прелести» местной жизни сполна испытал на себе и английский археолог – сэр Леонард Вулли. В течение долгих 12 полевых сезонов, каждый из которых длился по 5–6 месяцев, он вел раскопки самого южного шумерского города – Ура, расположенного неподалеку от современного иракского города Насирия на Евфрате. Ур заметно выделяется даже на фоне других известных шумерских городов. Начать с того, что он существовал необычайно долго – от первых шумерских царей (начало III тыс. до н. э.) и до эпохи Дария и Александра Македонского. Ни бесчисленные вражеские нашествия, ни стихийные бедствия не могли заставить его жителей покинуть веками насиженное место. Но то, чего не сумели сделать полчища завоевателей, сделала природа. Евфрат внезапно изменил свое русло и ушел почти на 16 километров к востоку от городских стен. Без воды на этой раскаленной равнине нельзя было прожить и дня. И блистательный город превратился в скопление безликих холмов, окрашенных в серо-желтые цвета пустыни. Со временем было забыто и его местонахождение. Еще совсем недавно наши сведения об Уре ограничивались лишь несколькими туманными цитатами из Библии да ассиро-вавилонскими клинописными текстами, созданными много веков спустя после гибели цивилизации шумеров. Мы знаем, например, из позднейших надписей, что в XVIII в. до н. э. вавилонский царь Хаммурапи подверг восставший город ужасающему разгрому. Видимо, именно в это время и покинули поверженный Ур библейский патриарх Авраам и его семья. С тех пор даже Библия больше не упоминает об Уре. Город пришлось отыскивать заново уже в XIX столетии. В 1854 г. Д.Е. Тейлор, английский консул в Басре, впервые установил: скопление руин, известное среди местных бедуинов под названием Телль-аль-Муккайир («Смоляной Холм»), – это и есть древний Ур, что подтверждали найденные здесь же клинописные глиняные таблички. Однако к широким раскопкам на городище смогли приступить лишь много лет спустя.

В 1922 г. эту задачу начал осуществлять англичанин Леонард Вулли. Целых двенадцать лет велись здесь раскопки. Археологу удалось добиться многого. Пышные дворцовые ансамбли, массивные стены храмов, ступенчатая башня зиккурата и, наконец, фантастические по богатству царские захоронения появлялись из глубин земли с завидным постоянством. Но, возможно, самое главное – это то, что и Вулли удалось, наконец, в отличие от других своих коллег, оторваться от притягательного религиозно-административного центра городища и приступить к изучению жилых городских кварталов. Поэтому, есть все основания считать, что только после работ Леонарда Вулли в городе Уре древняя цивилизация шумеров предстала перед взорами человечества во всем своем блеске и величии.

Почти в те же годы (20-40-е гг. XX в.) француз Андре Парро вел раскопки в Мари (Сирия), американцы – в Ниппуре, Нузи и Тепе-Гавре, англичане – в Ниневии, Убейде, Арпачии и, вместе с американцами, – в Кише и Джемдет-Насре, а немцы продолжали методично изучать центр Урука. Это был «золотой век» месопотамской археологии.

Один за другим большие и малые телли Месопотамии после раскопок открывали людям свои тайны. Фрагмент за фрагментом выявлялись основные этапы богатейшей и длительной месопотамской истории. Постепенно ученые осознали, что за блестящим фасадом шумеро-аккадской культуры скрываются какие-то более ранние и более скромные предшественники.

Илл. 14. Л. Вулли

У истоков месопотамской цивилизации

Еще каких-нибудь 40–50 лет назад почти все солидные научные монографии и статьи по археологии Месопотамии хранили полное молчание о начальных этапах дошумерской, дописьменной истории Ирака и Сирии. Археологические работы традиционно велись главным образом на юге страны, на месопотамской равнине, то есть там, где древнейшие находки, если они имелись, были погребены под толстыми аллювиальными отложениями. Следуя логике рассуждений географов, ботаников и зоологов, истоки ранних культур с земледельческо-скотоводческим хозяйством нужно было искать на севере региона, в горных и предгорных районах.

Археологи долго не обращали внимания на Северную Месопотамию. А ведь именно там, в горах и предгорьях Загроса, Тавра и Синджара, произрастали дикие предки пшеницы и ячменя, а также паслись на привольных лугах дикие козы – предки одомашненных позднее овец и коз. И вот, уже после Второй мировой войны, в 50-е годы, ученые стали изучать и эти забытые края. Прежде всего их привлекли следы обитания человеческих общин, находившихся на стадии перехода от мезолита к неолиту, то есть коллективов с зачатками земледелия и скотоводства, но еще в пределах охотничье-собираательского хозяйства. На севере Ирака, в горах Курдистана, американские археологи Роберт Брейдвуд и Ральф Солецки начали интенсивные обследования наиболее перспективных районов. И вот Солецки после сенсационных открытий неандертальских захоронений в пещере Шанидар обнаружил неподалеку от входа в эту самую пещеру открытую стоянку – Зеви-Чеми-Шанидар. Она относилась, по данным радиоуглеродных анализов, примерно к IX тыс. до н. э. Исследователь обратил внимание на необычайное обилие костей животных в слое стоянки – лабораторный анализ показал, что подавляющее их большинство принадлежит овцам. Причем три пятых всех особей были моложе одного года. Это свидетельствовало о том, что овцы были уже домашними: молодых ягнят забивали, чтобы можно было доить маток. Большой интерес представляют и каменные орудия из Зеви-Чеми-Шанидара: грубые каменные зернотерки, шлифованные топоры, серпы в виде кремневых ножевидных пластин-вкладышей, прикрепленных к костяной рукояти с помощью битума или смолы. Мы не знаем, какие именно злаковые растения жали этими серпами обитатели стоянки. Неизвестно и то, были ли эти злаки дикими или культурными. Тем не менее первые шаги в формировании новой производящей экономики земледельческо-скотоводческого типа представлены здесь достаточно хорошо.

Еще более важными оказались результаты многолетних работ большой археолого-ботанической экспедиции во главе с Робертом Брейдвудом (США) в Иракском Курдистане (так называемый проект «Ирак-Джармо»). Впервые в истории ближневосточной археологии геологи, зоологи, ботаники и климатологи предприняли совместно с археологами комплексное исследование природной среды, окружавшей местного первобытного человека. Их открытия позволили сделать вывод о том, что экология того времени существенно не отличалась от современной. Особо важное значение для дальнейшего развития месопотамской археологии имели раскопки экспедиции Р. Брейдвуда на двух археологических памятниках иракского Курдистана – в Карим-Шахире и Джармо. Древнее поселение Карим-Шахир расположено к северу от городка Чамчамал в Киркукском губернаторстве. Точно определить его время не удалось. Но судя по аналогиям с находками из самих ранних слоев Иерихона (Палестина) Карим-Шахир относится к мезолитическому периоду (IX тыс. до н. э.) и представляет собой хотя и открытую, но временную, сезонную стоянку. Главными источниками питания местных жителей были охота, собирательство и рыбная ловля. Наличие серпов с кремневыми вкладышами и грубых зернотерок в слое стоянки не может слу-

жить решающим аргументом в пользу появления земледелия. Присутствие таких орудий свидетельствует лишь о переработке злаков, но не об их возделывании.

Илл. 15. Бригадир иракских рабочих Халаф Джасим с найденной им статуэткой

Илл. 16. Статуэтка-флакон богини плодородия. Халафская культура, Ярм-тепе 2. V тыс. до н. э.

К числу новых технических достижений обитателей Карим-Шахира нужно отнести появление шлифованных каменных топоров и грубых глиняных статуэток. Этот памятник – порог, с которого и начиналась в Месопотамии «неолитическая революция», то есть переход к земледелию и скотоводству как основе хозяйства. А явные следы более высокой ее стадии демонстрирует нам уже другое поселение – Джармо в Курдистане, относящееся к началу VII тыс. до н. э. Исследовал его Р. Брейдвуд в 1949–1952 гг. По его словам, Джармо целиком подпадает уже под категорию «первичных, подлинно оседлых земледельческих общин Загроса». Само поселение занимает площадь около 1,2 га, состоит из глинобитных наземных домов и расположено на выступе горного плато, нависающем над глубоким ущельем. Толщина культурного слоя достигает 7,6 м. Обломки керамики встречаются лишь в верхней трети почти восьмиметровой толщи холма. Предположение о существовании в Джармо развитого земледелия основывается не столько на находках каменных орудий для жатвы и размалывания злаков, сколько на открытии там зерен культурных растений, в том числе – пшеницы Эммера и двухрядного ячменя.

Илл. 17. Женская статуэтка («богиня плодородия»). Телль-Халаф, Сирия. V тыс. до н. э.

Новые способы получения продуктов питания оставляли довольно много свободного времени у жителей Джармо и для других дел. Показательно появление именно в это время каменных и глиняных фишек для какой-то игры, а также культовых глиняных фигурок женщин и различных животных, что указывает на начало расцвета искусства неолитических племен Северной Месопотамии.

Илл. 18. Керамические печи после расчистки. Халафская культура, Ярым-тепе 2. V тыс. до н. э.

«Решающий рубеж, – отмечает И.М. Дьяконов, – в создании экономики воспроизводства продукта был пройден, и хотя еще медленно, но начинается процесс всестороннего использования открывшихся перспектив». И одним из наиболее ярких его проявлений стал широкий выход горцев Загроса и Синджара на просторы месопотамской равнины. Началось интенсивное освоение новых плодородных земель, заметно ускорившее весь ход культурного развития местных земледельческо-скотоводческих общин и вплотную приблизившее их к порогу цивилизации.

И совсем не случайно, что только после того, как ученые осознали всю значимость северных областей Месопотамии для понимания истоков местной цивилизации, там, на севере, начались серьезные полевые исследования и тут же последовали важнейшие открытия.

В 1942–1945 гг. английский археолог Сетон Ллойд и иракский археолог Фуад Сафар раскопали в 25 км к югу от Мосула тель Хассуна, скрывавший внутри остатки поселка земледельцев и скотоводов VI тыс. до н. э. Этот первый исследованный памятник дал название всей оседлой раннеземледельческой культуре Северной Месопотамии – хассунская. Ее создатели изготавливали грубую, но практичную керамику, стилизованные женские статуэтки (культ плодородия), строили прямоугольные наземные жилища из блоков глины с примесью соломы. «Образ жизни первых поселенцев Хассуны, – пишет немецкий ученый Б. Брентъес, – делает понятным, почему их культура быстро распространилась на сотни километров. Вероятно, в результате многовековой обработки почва в горах истощилась или население увеличилось настолько, что люди были вынуждены покинуть свою страну и отправиться

на поиски новых земель. Там, где им нравились пастбища и пахотные земли и где не было врагов, они оставались жить. В противном случае, собрав урожай, двигались дальше...»

Итак, широкое освоение месопотамской равнины начали именно хассунские племена. Но по мере продвижения к югу богарное (неполивное) земледелие стало давать серьезные сбои. И вот в Телль эс-Савване («Кремневый холм»), расположенном на правом берегу Тигра в 11 км к югу от Самарры, в 60-е годы XX в. археологи из Иракского департамента древностей открыли большое поселение площадью 2,5 га, укрепленное глубоким рвом и глинобитной высокой стеной, возникшее в 5600 г. до н. э. Внутри стен было раскопано два здания: одно («Дом № 1») имело два этажа и 14 комнат, второе – еще больше. Часть «Дома № 1» занимал храм из четырех помещений. Среди самых многочисленных находок – фигурки мужчин и женщин из глины и алебаstra. Но самое главное – среди найденных хлебных злаков есть такие виды пшеницы и ячменя, возделывание которых возможно лишь при искусственном орошении. А это значит, что простейшие формы ирригации появились в Месопотамии уже в VI тыс. до н. э. Важные результаты принесли также многолетние исследования хассунского поселка Ярым-тепе 1 в Синджарской долине российскими археологами (1969–1976 гг.).

В начале V тыс. до н. э. хассунскую культуру сменяет (или вытесняет) на севере Месопотамии пришлая халафская. И хотя халафскую керамику впервые открыли совершенно случайно в Сирии еще в 30-е годы, целенаправленное изучение этой культуры началось лишь в 50-70-е годы, когда американские и английские археологи исследовали такие интересные халафские памятники, как Арпачия и Тепе-Гавра в районе Мосула, а российская экспедиция на широкой площади и на всю толщину 7-метрового культурного слоя раскопала халафский телль Ярым-тепе 2 (в 1969–1976 гг.). Халафцы создали самую изящную и разнообразную по формам керамику, украшенную великолепной росписью. Круглая в плане архитектура («толосы») – жилая и культовая, развитая религиозная идеология с образом богини-матери (культ плодородия), земледелие и скотоводство как основа хозяйства характеризуют основные черты этой культуры.

Илл. 19. Круглая жилая постройка халафской культуры. Ярым-тепе 2. V тыс. до н. э.

Где-то в конце VI – начале V тыс. до н. э. какие-то северомесопотамские племена достигли самого юга равнины и вышли к берегам Персидского залива. Сетон Ллойд и Фуад Сафар при раскопках городища Абу-Шахрайн (древний город Эреду) в начале 50-х годов обнаружили, что самые нижние его слои содержат керамику, очень похожую на позднехасунскую и датируемую как раз концом VI – началом V тыс. до н. э.

Завершает цепочку дошумерских раннеземледельческих культур так называемая убейдская культура (вторая половина V – середина IV тыс. до н. э.). Впервые открыта в телле Эль-Убейд близ древнего Ура в Южном Ираке. В конце 20-х гг. там работали английские археологи. Исследуя этот телль, они обнаружили под остатками шумерского храма неизвестную расписную керамику – темно-зеленые, обожженные почти до стекловидного состояния черепки, украшенные четкими геометрическими рисунками, нанесенными темно-коричневой и черной краской. Позже здесь удалось вскрыть под наносами ила тростниковые хижины первых жителей поселка с точно такой же расписной посудой. Так в археологической летописи Месопотамии появилась еще одна неизвестная культура, которая по своему хронологическому положению уже непосредственно предшествовала великой шумерской цивилизации.

В 1940 г. иракские специалисты раскопали убейдский поселок в Телль-Укайре близ Багдада. Здесь выявлены добротные глинобитные дома из прямоугольных сырцовых кир-

пичей со стенами почти метровой высоты, расчищена довольно широкая улица. Основой хозяйства местных жителей служили земледелие, скотоводство и рыболовство (найлены глиняные модели лодок, каменные грузила для сетей и кости крупной рыбы). Убейдская культура (происхождение ее остается неизвестным) быстро распространилась по всей Месопотамии, вытеснив (или уничтожив) на севере великолепную халафскую культуру.

Открытия продолжаются

Что касается памятников шумерской эпохи, то после Второй мировой войны немцы продолжили раскопки в У руке, американцы – в Ниппуре и Кише, англичане (М. Мэллоун) вновь начали раскопки Нимруда.

*Илл. 20. Находки халафской культуры из поселения Ярым-тепе 2
а) алебастровый кубок,
б) расписной глиняный шаровидный сосуд,
в) фрагмент керамики с изображением газелей*

Еще более интенсивные исследования археологов развернулись по всей Месопотамии в 60-70-е гг. XX в. Заметно расширился при этом и список стран – участниц этой грандиозной археологической эпопеи: к традиционным участникам – Англии, Франции, Германии и США – присоединились Италия, Япония, Дания и Россия. Раскопкам подверглись сотни самых разных памятников всех эпох: от пещерных стоянок первобытного человека в

горах Курдистана до громадных городов I тыс. до н. э. типа Ниневии и Вавилона (Иракский директорат древностей). Однако уже ирано-иракская война 1980–1989 гг. сильно сократила и число иностранных экспедиций в Ираке, и размах их исследовательской активности. Окончательный удар по археологическому изучению страны с участием иностранцев нанесла операция американцев и их союзников в 1991 г. – «Буря в пустыне». К тому же во время воздушных бомбардировок сильно пострадали многие всемирно известные памятники древности – например, знаменитый зиккурат Ур-Намму в Уре, построенный в III тыс. до н. э.

Тем не менее, археологическое изучение своей страны по мере возможности продолжали вести и в эти тяжелые годы иракские ученые. И об одном их замечательном открытии я и хочу здесь рассказать. В 1988 г. археолог Музахим Махмуд Хуссейн при раскопках в Нимруде в подземном склепе под полами дворца Ашшурназирпала II обнаружил каменные саркофаги двух ассирийских цариц, где, помимо останков самих высоких особ, находилось 20 кг золотых ювелирных украшений тончайшей работы – серьги, кольца, ожерелья, браслеты, булавки и т. д. По клинописным надписям на саркофагах удалось восстановить имена знатных покойниц: Аталия – жена царя Саргона II (721–705 гг. до н. э.) и Йабай – жена Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н. э.). Таким образом, несметные сокровища ассирийских владык – не легенда, не вымысел, а реальность.

Глава 3 У истоков первой цивилизации планеты

История начинается в Шумере

Еще в IX–VIII тыс. до н. э. Ирак стал ареной «неолитической революции» – самой важной из всех революций в истории человечества. В предгорьях Курдистана, увлажняемых каждую зиму дождями со Средиземного моря, человек перестал быть бродячим охотником, зависимым от капризов природы, и превратился в земледельца, привязанного к небольшому клочку земли, с которого получал теперь основные продукты питания. Из глины он построил себе жилище и изобрел новые виды орудий труда. Стада прирученных овец, коз и крупного рогатого скота дали ему постоянный и легко доступный источник мяса, молока, шерсти и кожи. Каждая большая семья, вероятно, сооружала свой собственный дом, обрабатывала свое поле, пасла свое стадо домашних животных. А несколько семей, объединившись вместе, образовывали деревню – зародыш социальной организации в виде сельской общины.

Позднее были и другие «революции»: металл вытеснил камень, деревни переросли в города, города объединились (часто не по своей воле) в царства, а царства – в империи. Но сама жизнь, труд человека, привязанного к матери-земле и зависимого от сезонных циклов природы, не менялись здесь с тех давних времен практически до наших дней.

За 5000 лет до рождения Христа предгорья Загроса и Синджара на севере Ирака были населены неолитическими земледельцами и скотоводами, обитавшими в небольших селениях и использовавшими орудия еще каменного века. Однако уже две тысячи лет спустя в Месопотамии начинается «эра истории», но начинается она в другом конце великой месопотамской равнины – в южной части долины Тигра и Евфрата, в Шумере. «История начинается в Шумере», – сказал однажды известный американский ученый-востоковед Сэмюэль Крамер, вынеся затем эту фразу в название одной из своих лучших научно-популярных книг. И это – истинная правда. Яркий свет письменной традиции (появление клинописи), вспыхнувший вдруг в междуречье Тигра и Евфрата более 50 веков назад, донес до нас из сумрака тысячелетий свидетельства о жизни и деяниях одного из величайших народов древности – шумеров.

О Шумер, великая земля среди всех земель Вселенной, залитая
немеркнущим светом, определяющая божественные законы для всех
народов от восхода до заката!.. —

воскликнул когда-то шумерский поэт, отражая в поэтической форме факт бесспорного культурного и военного превосходства обитателей Южной Месопотамии над их ближайшими соседями.

В действительности Шумер – очень небольшая страна. Ее площадь – чуть меньше современной Бельгии. Вся жизнь концентрировалась здесь вокруг рек и каналов. Поэтому «колыбель цивилизации» представляла собой длинную и узкую полосу земли, протянувшуюся от широты Багдада до гнилых болот на берегу Персидского залива. Эту территорию поделили между собой несколько шумерских городов-государств.

«Вскоре после 3000 г. до н. э. – отмечает известный английский археолог Г. Чайлд, – древнейшие письменные документы дают нам картину социальной и экономической организации Шумера... Страна была разделена между 15 городами-государствами, каждый из которых был политически автономен, но все они имели общую материальную культуру, религию, язык и все в значительной мере были связаны друг с другом экономически».

В раннединастический период (он начинается около 2800 г. до н. э.) клинописные таблички упоминают о 13 таких городах, более или менее точно привязанных к современной географической карте: Сиппар, Киш, Акшак, Ларак, Ниппур, Адаб, Умма, Лагаш, Бад-Тибира, Урук, Ларса, Ур и Эреду. Формально «хозяином», господином каждого шумерского города был бог, правивший через вождя, который, помимо политико-административных, выполнял еще и ряд важных культовых обязанностей. Земледелие, основанное на искусственном орошении, давало достаточно пищи, чтобы прокормить и тех людей, которые непосредственно ее не создавали: жрецов, чиновников, писцов, ремесленников, торговцев и профессиональных воинов из дружины правителя.

Широко использовалась письменность – в виде клинописи на глиняных табличках, были развиты архитектура (монументальные здания храмов, дворцы), скульптура и обработка металлов. Торговые караваны регулярно уходили вдаль от месопотамского оазиса, направляясь в горные районы за древесиной, слитками меди и олова, твердыми породами камня, драгоценными металлами и другими товарами, столь необходимыми для нормальной жизни только что зародившихся шумерских городов-государств.

Религия, безраздельно господствовавшая и в общественной, и в частной жизни, выработала сложный пантеон богов во главе с верховным божеством – Энлилем (богом воздуха). В раннюю эпоху вся хозяйственная жизнь города-государства была сосредоточена вокруг храма бога-покровителя данной территориальной общины.

Такова в общих чертах картина шумерской цивилизации в начале III тыс. до н. э. Стоит ли поэтому, удивляться, что те 20 веков (5000–3000 гг. до н. э.), которые являлись свидетелями зарождения и формирования этой цивилизации, представляют для нас исключительный интерес.

История перехода от неолита к цивилизации не может быть рассказана во всех деталях, поскольку наши сведения об этом процессе все еще крайне скудны и отрывочны. Но мы, по крайней мере, знаем теперь, что он точно происходил в пределах самого Ирака. Широкие археологические исследования 50-80-х гг. опровергли старую теорию, согласно которой шумерская цивилизация зародилась первоначально в какой-то далекой и таинственной стране и уже потом в полностью сложившемся виде была принесена в Месопотамию. Сейчас мы в состоянии проследить путь развития многих из ее элементов на протяжении долгих веков. И если одни черты цивилизации действительно были принесены извне, в ходе иноземных вторжений или иноземных культурных влияний, то другие имели такие глубокие корни в иракском прошлом, что мы можем назвать их местными. Вероятно, как и все другие древние цивилизации, шумерская была продуктом слияния самых разных культурных потоков и черт. Известно, что две главные этнические группы, резко отличавшиеся друг от друга по языку, – шумеры и аккадцы-семиты – жили в Месопотамии бок о бок еще в начале исторической эпохи (на рубеже IV и III тыс. до н. э.). Хотя мы не можем пока с уверенностью сказать, когда именно они появились на месопотамской сцене и какую роль каждый из этих народов сыграл в становлении местной цивилизации. Увы, единственным источником для решения наших проблем по поискам истоков шумерской культуры в дошумерские времена остаются археологические находки. Но они практически бесполезны при реконструкции политических событий и передвижений различных племен и народов.

Тот долгий период, когда Месопотамия была «беременна цивилизацией», зарубежные археологи называют обычно «протоисторией». «Протоистория», в свою очередь, подразделяется на пять этапов (или культур), каждый из которых назван по тому памятнику древности, каковой был для данной культуры изучен впервые. Вот перечень этих этапов в хронологическом порядке:

1. Хассуна-Самарра (VI тыс. до н. э.)
2. Халаф (V тыс. до н. э.)

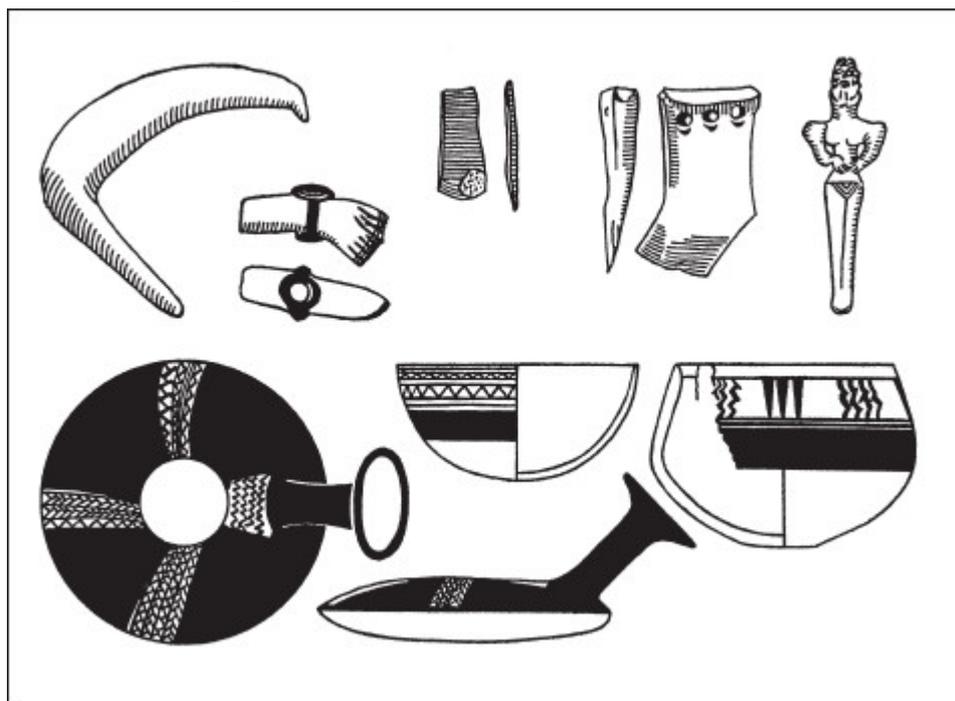
3. Убейд (сер. V – сер. IV тыс. до н. э.)
4. Урук (3500–3100 гг. до н. э.)
5. Джемдет-Наср («протописьменный») (3100–2800 гг. до н. э.)

Загадки Убейда

Первые две культуры (Хассуна и Халаф) существовали только на севере Месопотамии, Убейд распространился по всей стране. Последние же этапы «доистории» представлены только на юге Двуречья. Именно там и вспыхнул яркий свет первой месопотамской цивилизации. Для этого имелись вполне объективные причины. Низовья Тигра и Евфрата, вместе с Персидским заливом, служили удобными и широкими воротами для проникновения культурных влияний даже из таких дальних стран, как Индия и Сомали. Реки (вместе с их протоками и руслами) и каналы в какой-то мере служили защитой южной части Ирака от опустошительных набегов кочевников Аравийской пустыни и горцев Ирана. Но самый главный фактор – это создание огромной и сложной сети оросительных каналов, что указывает на существование здесь еще в IV тыс. до н. э. довольно сильной центральной власти, способной сосредоточить в своих руках достаточно сил и средств для того, чтобы управлять сельскими общинами и использовать их труд на строительстве ирригационных систем. Но были ли обитатели юга Месопотамии уже во времена господства убейдской культуры шумерами? В чем реально выражается эта культурная преемственность между убейдцами и шумерами, мы увидим ниже. А сейчас необходимо кратко описать характерные черты самой убейдской культуры.

Как отмечалось выше, важнейшими исследованными ее памятниками остаются до сих пор Эль-Убейд, Телль-Укайр, Эреду – на юге и Тепе-Гавра – на севере Месопотамии.

Особо важные результаты принесли раскопки в древнейшем городе Двуречья – Эреду (Абу-Шахрайн). Под одним из углов зиккурата шумерского периода было обнаружено гигантское наслоение из 17 храмов, последовательно сменявших друг друга на этом месте, начиная с незапамятных времен. Восемь верхних святилищ (храмы I–VIII) представляли собой внушительные здания урукского и, частично, позднеубейдского периодов. Хуже сохранившиеся остатки храмов IX–XIV, лежавших ниже, содержали как убейдскую, так и более раннюю керамику (конец VI – начало V тыс. до н. э.). Наконец, еще раньше появились крохотные «часовенки» – храмы XV–XVII.

*Илл. 21. Убейдская культура, сер. V – сер. IV тыс. до н. э.
Характерные формы керамики, статуэток и орудий труда*

Эти древнейшие ритуальные сооружения Южного Двуречья интересны для нас во многих отношениях. Уже первое знакомство с данной архитектурой позволяет прийти к заключению о непрерывном и преемственном развитии одной и той же религиозной традиции в Эреду с конца VI тыс. до н. э. и вплоть до шумерской эпохи. Прототипом храма XVI была постройка с единственным крохотным помещением площадью не более трех квадратных метров. Однако и оно уже имеет культовую нишу в стене и центральный жертвенный столик – черты, которые начиная с этого времени неизменно присутствуют в архитектуре месопотамских храмов. В слоях XI–IX этот храм перестраивается уже с большим размахом: возводятся центральное святилище и боковые крылья. На сей раз его тонкие кирпичные стены укрепили контрфорсами, возможно, напоминающими о деталях конструкции древних тростниковых построек. Затем следует ряд более основательных и искусно построенных храмов (слои VIII–VI), которыми и завершается убейдский период на городище. В прямоугольное помещение центрального святилища по-прежнему входили через боковую камеру, но уже созданы и дополнительные церемониальные входы на одном конце и алтарь на возвышении – на другом. Здесь есть и стоящее посреди храма возвышение для ритуальных приношений, включавших, вероятно, и рыбу, так как рыбы кости были обнаружены в соседней комнате. Кстати, в последние годы целый ряд исследователей пришел к выводу о том, что в шумерском искусстве был широко распространен мотив «рыбчеловека».

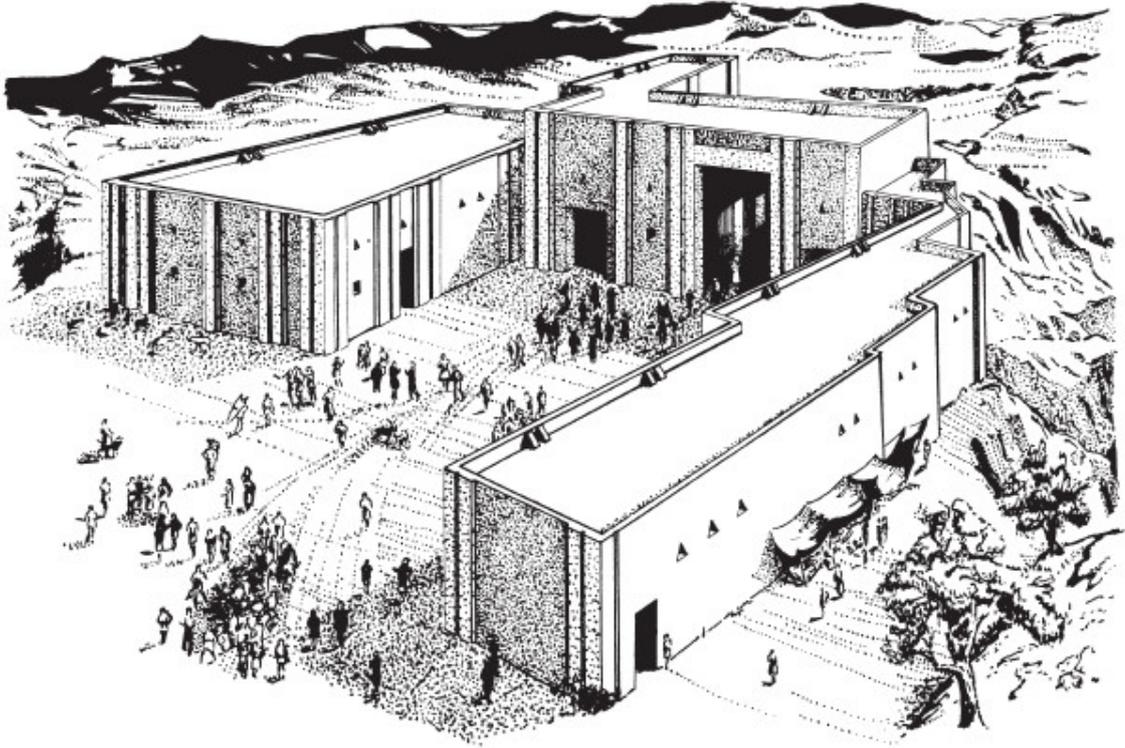
Культовые ниши и фасады с контрфорсами стали с этого времени характернейшей чертой храмовой архитектуры Двуречья.

Итак, очевидно, что центрами многих крупных убейдских селений были монументальные храмы на платформах, возможно, уже игравшие роль организаторов хозяйственной деятельности и управления делами общины. Храмы Эреду достигают особенно больших размеров и сложной внутренней планировки во времена позднего Убеида (в первой половине IV тыс. до н. э.). Так, храм VI, стоявший на высокой платформе, имел размеры 26,5 x 16 м. Люди, жившие в хижинах вокруг святилища, кормились рыболовством и охотой, сеяли эммер (полбу), ячмень, лен, сезам (кунжут), выращивали финиковую пальму, разводили овец, коз, свиней, ослов и крупный рогатый скот. Борясь с ежегодным разливом рек и используя воду, оставшуюся после него в мелководных озерах, они еще в доубейдское время впервые применили здесь, на юге Ирака, новый метод земледелия – они рыли в мягком лёссовом грунте небольшие водоотводные каналы. Исключительно тяжелые условия жизни в катастрофически жарком климате, между знойной пустыней и гнилыми болотами дельты Тигра и Евфрата, отчасти искупались для них невероятным плодородием почвы и обилием урожая.

Илл. 22. Глиняная статуэтка богини-матери с головой ящера-варана и ребенком на руках. Убейдская культура, Урук. 4000 г. до н. э.

В убейдских селениях параллельно с развитием земледелия и скотоводства бурно развивались ремесла. Превосходная убейдская керамика, часто особого, зеленоватого оттенка (из-за чрезмерного обжига), с коричневой или черной росписью отличается стандартными формами и явно производилась специалистами-гончарами. Для обжига глиняной посуды использовались специальные печи сложной двухъярусной конструкции, где поддерживалась постоянная температура свыше 1200 °С. Появляются новые типы посуды – «чайники», черпаки с длинными ручками, колоколовидные чаши и т. д. В конце убейдского периода был изобретен гончарный круг. В ряде могил обнаружены глиняные модели лодок, в том числе и парусных. Бесспорен прогресс в металлообработке, хотя металл на юге был редкостью и металлических предметов там пока найдено немного (медные рыболовные крючки, шилья и др.)* Развивался обмен товарами и сырьем с соседними областями. Obsидиан привозили с Армянского нагорья, кремьень – из Сирии, лес и твердые породы камня – с гор Загроса, лазурит – из Афганистана.

Илл. 23. Реконструкция храма в Тене-Гавра близ г. Мосула, Ирак. Убейдский период. IV тыс. до н. э.

К 3500 г. до н. э. убейдские племена занимали уже всю Месопотамию, Северную Сирию, Киликию (в Турции) и горные районы Загроса.

Илл. 24. Тростниковый жилой дом убейдского периода. Современная реконструкция. Национальный парк г. Ктесифона

В течение большей части убейдского периода поселения представляли собой сравнительно небольшие земледельческие поселки, широко разбросанные по месопотамской равнине вблизи естественных источников воды (реки, озера, каналы). Каких-либо особых различий между ними в это время не наблюдалось.

Ситуация заметно изменилась лишь к концу Убейда, то есть в середине IV тыс. до н. э. Как показали исследования известного американского археолога Роберта Мак Адамса в районе Урука (Варки), именно тогда Урук из простого поселка земледельцев превращается в важный религиозный и политико-административный центр окружающей его территории, где, в свою очередь, выделяются более крупные поселения – «городки» и тяготеющие к ним группы деревень. Однако решающие перемены в характере поселений Южного Двуречья происходят лишь в последующих урукском и протописьменном периодах.

Убейдские археологические материалы наглядно показывают, как постепенно возрастала роль храмов в жизни сельских общин, как они стали главными центрами экономической и социальной жизни в нарождающихся месопотамских городах. Здесь уместно опять вернуться к вопросу о соотношении убейдской культуры и шумерской цивилизации: можно ли рассматривать первую как родоначальницу второй? Однозначно ответить на него совсем не просто. Слишком мало мы еще знаем об этом переходном периоде (речь идет не только об археологических материалах, но и о письменных документах, данных антропологии, палеоботаники, палеозоологии и т. д.). И тем не менее многие компетентные исследователи высказываются в пользу преемственности этих двух культур.

К.К. Ламберг-Карловски (США) считает, что хотя убейдскую культуру преждевременно называть шумерской, все же она должна была подготовить почву для последней. Появление социальных слоев, развитие торговли и рост населения, основание новых поселков и городов – все это отличает Убейд от более ранних неолитических культур.

Близкой точки зрения придерживается и наш соотечественник И.М. Дьяконов. «Кто бы ни были подлинными создатели убейдской культуры, – отмечает он, – достигнутый ими уровень развития постепенно начинал выводить общество за рамки первобытного строя». Общины, руководимые храмовой организацией, объединялись для создания и поддержания все более сложных оросительных систем. Развитие экономики, торговли и обмена способствовало имущественному расслоению общества.

Все археологи говорят о культурной преемственности Убейда с Шумером в культовой архитектуре, керамике, домостроительстве, хозяйственных навыках и приемах, в предметах быта. Не случайно, видимо, и то, что все главные шумерские города возникли на месте прежних убейдских поселений. По словам И.М. Дьяконова, материальные памятники свидетельствуют о том, что создатели убейдской культуры на юге Двуречья конца V – начала IV тыс. до н. э. были безусловно шумерами, а «с возникновением иероглифической письменности на грани IV и III тысячелетий до н. э. мы имеем уже бесспорные доказательства, что население Нижней Месопотамии было шумерским».

Итак, к концу убейдского периода Месопотамия существенно изменяется.

Переход от деревни к протогороду и от первобытно-общинного строя к государству и цивилизации совпал в Ираке с появлением новых форм керамики, изобретением гончарного круга, заменой плоских печатей из камня цилиндрическими и с рядом других достижений, кульминацией которых было изобретение письменности незадолго до 3000 г. до н. э. Археологические данные показывают полную преемственность в архитектурных и религиозных традициях с предыдущей эпохой. Поэтому мы, скорее всего, имеем здесь дело не с внезапной революцией, а с финальным этапом эволюции, начавшейся в Месопотамии за много столетий до этого.

Период, отражающий все эти новые условия, представлен лишь в немногих теллях Южного Ирака. Наиболее важным из них до сих пор остается У рук (Варка). Вот почему и время столь радикальных перемен названо урукским.

Урукская культура

В последние века IV тыс. до н. э. культурное развитие Месопотамии резко ускорилось, и кульминацией этого процесса стало возникновение шумерской цивилизации. Эти времена по городу У руку (Варке) носят название урукского периода (ок. 3500–3100 гг. до н. э.). В шумерских текстах III тыс. до н. э. Урук признается одним из главных центров Шумера. В это время здесь активно развиваются городские центры и, согласно исследованиям Р. Мак Адамса, происходят важные демографические изменения. За триста лет – с 3500 по 3200 гг. до н. э. – население этого региона значительно возросло. «Возможно, – отмечает К.К. Ламберг-Карловски, – это объясняется переходом кочевых племен к оседлости... и эмиграцией из сельских районов во все более урбанизирующиеся районы Южной Месопотамии, скорее всего, тем и другим вместе».

Этот достаточно медленный процесс перемен в жизни месопотамского общества Г. Чайлд назвал «городской революцией». Он включал в себя появление письменности и развитие монументального стиля архитектуры, наиболее ярко выраженного в храмовых постройках.

Чем же объясняются те глубокие изменения, которые произошли в Южном Ираке в конце IV тыс. до н. э.? Существует множество гипотез. Некоторые ученые считают, что перемены в Месопотамии осуществлялись столь стремительно, что наверняка не обошлось без влияния каких-то чужеземцев. И действительно, за считанные столетия на юге месопотамской равнины имел место подлинный переворот: переселение людей из деревень в города, зарождение новых форм керамики, изобретение письменности и появление цилиндрических каменных печатей как показателя утверждения частной собственности.

Но считать причиной крупных социально-экономических перемен в Двуречье вторжение каких-то иноземцев было бы слишком большой натяжкой. К тому же эта гипотеза опровергается археологическими данными, свидетельствующими о четкой преемственности, начиная с убейдских времен, в архитектуре, религиозных верованиях и технологических традициях.

Другая гипотеза, претендующая на вскрытие истоков «городской революции», основана на том, что в развитии государств (и цивилизации) исключительную роль сыграла ирригация – искусственное орошение земель с помощью каналов, плотин и дамб. Ее автор, Карл Виттфогель, в своей работе «Восточный деспотизм» прямо увязал появление сложных ирригационных систем с наличием сильной центральной власти, обеспечивающей необходимую для строительства и содержания каналов рабочую силу. Согласно Виттфогелю, ирригация Месопотамии была ключевым фактором развития ее городской цивилизации. Гипотеза подверглась острой, но справедливой критике. Например, Р. Мак Адамс доказал, что сложные политические и экономические институты существовали в Южном Ираке задолго до того, как там была создана сложная сеть ирригационных сооружений. Разумнее считать ирригацию лишь одной из причин появления шумерской цивилизации, но не обязательно главной.

Еще одна гипотеза объясняет возникновение городов-государств Шумера взаимодействием оседлого земледельческого населения Месопотамии и кочевых племен окружающих территорий. Видимо, данный фактор также следует принять во внимание, но и он не может быть единственным, хотя, конечно, такие контакты вполне могли играть роль катализатора в становлении государства. Если судить по письменным источникам, относящимся к более позднему времени, то отношения между оседлыми общинами и кочевниками строились на взаимной подозрительности, а то и открытой вражде и военных столкновениях. Такие отношения, отраженные в клинописных текстах III–II тыс. до н. э., сохранялись вплоть до недавнего времени. «И все-таки, – отмечает К.К. Ламберг-Карловски, – несмотря на враждеб-

ность во взаимоотношениях кочевники благодаря мобильности, пастушескому образу жизни были необходимы жителям земледельческих поселений для общения, торговли и разведения домашнего скота, в частности, овец и коз. Номады обладали ценной информацией. Благодаря постоянным миграциям они всегда знали, где можно найти те или иные ресурсы, и были в курсе политических событий в разных районах. Эти миграции также позволяли им выступать в роли посредников в обмене товарами и идеями между оседлыми жителями горных областей и обитателями месопотамской равнины».

Итак, первая цивилизация в истории человечества зародилась, по всей вероятности, в Южной Месопотамии, и начальный этап ее развития лучше всего документирован раскопками в Уруке (Варке).

Урук (Эрех) – заря цивилизации

Грандиозные и величественные руины Урука находятся в пустынном районе на полпути между Багдадом и Басрой, неподалеку от современного иракского городка Варка. С 1912 года и по сей день здесь работают немецкие археологи, и благодаря их раскопкам мы имеем довольно полное представление об этом древнейшем шумерском городе.

Урук был впервые заселен около 4200 г. до н. э. носителями убейдской культуры и в своих нижних слоях представляет собой типичное убейдское поселение. Однако приблизительно с 3500 г. до н. э. здесь происходят огромные изменения, которые одни ученые связывают с приходом чужеземцев, а другие – с внутренним развитием самой убейдской культуры. Последний тезис пока более убедителен.

Характерный облик шумерской цивилизации оформился именно в период Урука. Его отличительные черты особенно ярко выражаются в трех основных сферах культуры: в строительстве монументальных храмов, изготовлении высокохудожественных цилиндрических печатей и в развитии клинописного письма.

В древности Урук был посвящен двум великим божествам шумерского пантеона – это Ан (или Ану), бог неба, и богиня любви Инанна (аккадская Иштар). В центральной части гигантского городища (общая площадь его свыше 400 га) вокруг построенного из сырцового кирпича зиккурата стоит храм этой богини, Э-Анна («Небесный Дом»), – обширный комплекс зданий и внутренних двориков, который постоянно расширялся и перестраивался с убейдских времен до персидского завоевания в VI в. до н. э. Храм бога Ану, гораздо более скромный по размерам и внешнему облику, находится в другой части города.

Ранние храмы Урука очень похожи по своей планировке на храмы убейдского периода в Эреду: фасад с контрфорсами, длинный зал, окруженный небольшими вспомогательными помещениями. Наличие дверей на длинной стороне храма также говорит о преемственности архитектурных традиций, религиозных верований и обрядов. В Э-Анна были открыты шесть таких святилищ.

Они попарно размещались в трех последовательно сменяющих друг друга слоях, что позволило немецкому археологу Г. Ленцману предположить, будто они посвящались не только Инанне, но и ее супругу – богу плодородия Думузи.

Илл. 25. Избиение пленных. Оттиск с цилиндрической печати протописьменного периода. Урук. 2900–2800 гг. до н. э.

Особенно интересными оказались сооружения из самых нижних слоев – огромные храмы на платформах. Один из них, «Белый Храм», гордо возвышался на высоком фундаменте из белых известняковых плит и имел впечатляющие размеры: 78 x 33 м. Совершенно изумительна его внутренняя мозаичная отделка. Другой храм состоял из большого двора

между двумя святилищами и имел портик с восемью массивными колоннами из сырцового кирпича (каждая – 2,4 м в диаметре), расположенными в два ряда. Боковые стены двора, сами колонны и платформа, на которой они стояли, были сплошь покрыты цветной геометрической мозаикой, образуемой шляпками глиняных конусов в 7,5-10 см длиной, которые были окрашены в черный, красный и белый цвета и затем вбиты в глиняную штукатурку. Этот оригинальный и очень эффективный способ орнаментации архитектуры получил широкое распространение в течение урукского и последующего «протописьменного» периодов.

Здесь уместно привести мнение отечественного ученого И.М. Дьяконова относительно одного интересного сооружения в самом центре Урука. «На более низко расположенной прилегающей террасе, – пишет он, – находился еще один весьма интересный архитектурный комплекс – так называемое Красное здание. Это большой, замкнутый стеной, двор (около 600 кв. м), с двумя узкими обороняемыми входами, со стенами, украшенными трехцветной орнаментальной мозаикой, имитирующей плетеную циновку. Перед двором расположена своего рода возвышающаяся площадка из сырцового кирпича, как бы эстрада, вероятно крытая, на которой водружены приземистые круглые столбы или колонны, также с цветной мозаикой. Раскапывавшие Варку археологи не дали этому ансамблю никакого истолкования; он довольно неопределенно представлялся им „культовым“. Однако, может быть, перед нами место для народных собраний (двор) и заседаний общинного совета старейшин (приподнятая площадка-возвышение, или „эстрада“). Обстановка совершенно согласуется с тем, как рисуются эти органы самоуправления общины в позднейших шумерских литературных памятниках: правитель-жрец отдельно совещается с советом, а народ при этом лишь присутствует – видимо, в некотором отдалении – и, когда к нему обращаются, поддерживает предложение правителя криком „хэм“ – „да будет“. Но мог провозгласить и „наам“ – „да не будет“».

Илл. 26. «Белый храм» в Уруке (Варке).

Реконструкция. Урукский период

В верхнем слое Урука в комплексе Э-Анна мы вновь видим остатки двух храмов примерно на том же самом месте и того же самого плана, но с другой ориентировкой. По радиоуглеродному анализу один из них датируется около 2815 г. до н. э. Однако между храмами не было ни двора народного собрания, ни возвышения для совета. Наступили иные времена и иные порядки: власть все более концентрировалась в руках правителя, а роль народного собрания в решении важных дел жизни общины была сведена к минимуму.

Следует подчеркнуть, что все описанные выше храмы покоились (как и святилища Убейда в Эреду) на низких кирпичных платформах. Но со временем платформа-фундамент становилась все выше и выше, уже превосходя по своим размерам само храмовое здание. Видимо, именно здесь и надо искать истоки знаменитого месопотамского зиккурата – ступенчатой башни, на плоской вершине которой возводилось святилище наиболее почитаемого в данном городе божества. Эта постепенная эволюция в архитектуре хорошо иллюстрируется храмом бога Ану из Урука-Варки, где шесть последовательно сменявших друг друга святилищ были, в конце концов, включены в общую монументальную платформу в 15 м высотой. На ее вершине находятся прекрасно сохранившиеся остатки храма позднеурукского периода. Поэтому даже сейчас, в наши дни, можно войти внутрь его стен и молча постоять в том самом месте, где 5000 лет назад шумерские жрецы возносили к небесам свои молитвы.

Помимо великолепной архитектуры урукский период отмечен широким распространением резных печатей – этих маленьких шедевров раннего месопотамского искусства. Каждая такая печать – это небольшой цилиндрок, сделанный обычно из полудрагоценных пород камня и имеющий длину от 2,5 до 7,5 см и толщину от размеров пальца руки до параметров современного карандаша. Внутри, по центру, шел тонкий канал – для того, чтобы печать можно было (продев шнурок) носить на шее. На поверхности вырезан рисунок, который, когда его прокатывали по сырой глине, мог служить своего рода «удостоверением личности» владельца, или, скорее, его личной «подписью». Мотивы рисунков разнообразны. Наиболее распространенными были фризы из животных и растений, мифологические существа и боги, сцены из повседневной жизни.

Рождение клинописи

Именно с урукским временем связано и еще одно, возможно, самое важное и эпохальное изобретение – создание клинописи. К концу периода в архаических храмах комплекса Э-Анна в Уруке появляются первые глиняные таблички с пиктографической письменностью. Письменность Месопотамии была первоначально – как и все примитивные системы древнего письма – собранием маленьких стилизованных рисунков, или пиктограмм. Самые ранние тексты из У-рука и других мест Двуречья уже слишком сложны по своему характеру, чтобы представлять собой первую попытку человека по выражению на глине своих идей. Видимо, первые пиктограммы вырезались на дереве или писались на пальмовых листьях и коже. Однако попытки найти эти ранние опыты клинописи при раскопках вряд ли могут увенчаться успехом, если учесть особенности местного климата. Единственное, что мы имеем, – это рисунки на глине.

Илл. 27. Табличка с ранними шумерскими пиктограммами – так называемый монумент Блау. Урукский период. 3400 г. до н. э.

Процесс написания текста был довольно простым. Писец брал комок хорошо отмытой глины и делал из него небольшую гладкую «лепешку» овальной формы в 7,5-15 см длиной. Затем концом остро заточенной тростниковой палочки он чертил линии, разделяющие поверхность таблички на квадраты, и заполнял каждый из них рисунками-пиктограммами. Табличка далее или обжигалась, или оставлялась в сыром виде. Обожженные таблички тверды как камень и практически становятся вечными; с другой стороны, необожженные таблички, также часто находимые при раскопках, при неосторожном обращении мгновенно рассыпаются в пыль, поэтому их нужно очень аккуратно высушить в тени, позволить немного затвердеть, а потом обжечь в печи.

С течением времени месопотамское письмо постепенно теряло свои пиктографические очертания. Знаки стали наноситься по горизонтальным линиям (а не по квадратам) или же в вертикальных столбцах. Они уменьшились в размерах и в конце концов «стилизировались», потеряв всякое сходство с предметами, которые изображали. К середине III тыс. до н. э. эта медленная эволюция завершилась, и появилась стандартная клинопись.

Древнейшие тексты, обнаруженные археологами в У-руке, были написаны на шумерском языке. Письменность основывалась, как и в древнекитайской иероглифике, на принципе: один предмет или одна идея равны одному знаку и одному звуку. Эти первые образцы клинописи имели множество знаков – более 2000. Некоторые из них представляют конкрет-

	I	II	III	IV
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				

Илл. 29. Таблица ранних шумерских пиктограмм

Итак, общий характерный облик шумерской цивилизации оформился именно в урукский период. Его отличительные черты особенно ярко проявляются в трех основных направлениях развития культуры – строительстве монументальных храмов, изготовлении высокохудожественных каменных цилиндрических печатей и в изобретении письменности. На смену Уруку пришел «протописьменный» (Джемдет-Наср) период, длившийся примерно с 3100 до 2800 (2750) г. до н. э.

Протописьменный период

Материальная культура Южной Месопотамии протописьменного периода получила название культуры Джемдет-Наср – по поселению, лежавшему между Багдадом и Вавилоном, при раскопках которого были обнаружены оригинальные изделия расписной керамики этого времени. Период Джемдет-Наср, по сути дела, мало чем отличается от эпохи У рука: религиозные и светские сюжеты, изображаемые на цилиндрических печатях того и другого времени, идентичны; монументальная архитектура Джемдет-Насра сохраняет оформление интерьера и функции, свойственные архитектуре предшествующего периода; керамика в основном продолжает заложенные в урукские времена традиции. Единственное, что отличает керамику Джемдет-Насра от урукской, это мотивы росписи. Она (роспись) имеет геометрический или реалистический (люди, животные, растения и т. д.) характер и нанесена черной и красной краской прямо на бурую поверхность глиняных сосудов.

Таким образом, между культурами протописьменного и урукского периодов нет никаких существенных различий, а есть простые вариации по стилю и по качеству. Архитектурные сооружения встречаются при раскопках довольно редко, но их вполне достаточно для того, чтобы доказать отсутствие резких изменений в планировке и орнаментации храмов, хотя основное внимание уделяется теперь размерам и отделке храмовых платформ, и мозаичная орнаментация из конусов с цветными шляпками наносится уже не по всей поверхности стен, а выборочно, по горизонтальным панелям. Цилиндрические печати содержат те же самые мифологические и светские сцены, хотя появляется отчетливая тенденция к их условности, стилизации и стандартизации.

Письменность используется в жизни общества гораздо шире, пиктограммы стали еще малочисленнее и абстрактнее. Колесо и плуг, изображаемые на глиняных табличках, были наверняка изобретены еще раньше, а великолепные каменные и металлические сосуды явились, вероятно, продуктом развития давно существовавшей местной традиции.

Илл. 30. Керамика Джемдет-Наср

а) глиняный расписной сосуд с человеческими фигурами. Джемдет-Наср. Рубеж IV–III тыс. до н. э.;

б) сосуд с рельефным изображением львов и быков. Урук, период Джемдет-Наср. Нач. III тыс. до н. э.

Появляется практически неизвестная прежде каменная скульптура: львы, атакующие быков, герои, укрощающие хищных зверей, дикие кабаны и мирные овечки вырезаны в рельефе на каменных плитах или представлены в виде круглой скульптуры. Особенно впечатляют внушительных размеров (более метра в высоту) размеров каменные вазы и чаши с резьбой на самые разные, в основном культовые, темы.

Тогда же впервые в храмах находят votивные статуэтки богомольцев. В Уруке в ходе раскопок обнаружили довольно грубую стелу из базальта, на которой изображены двое бородатых мужчин, убивающих львов с помощью лука и стрел. Есть и еще две находки с этого городища – они могут соперничать с любыми шедеврами искусства той же эпохи. Одна из них – высокая алебастровая ваза, украшенная изящной низкорельефной резьбой, главным

мотивом которой является фигура богини Инанны, принимающей дары от жреца или правителя. Другая находка – мраморная маска, изображающая почти в натуральную величину прекрасное женское лицо. К сожалению, вставные (сделанные, видимо, из драгоценных камней) глаза не сохранились, но черты лица смоделированы великолепно – смесь тонкого реализма и чувственности, и аналогов ему в древности нет, вплоть до появления классической греческой скульптуры.

Хотя шумерская иероглифическая письменность протописьменного периода – еще не вполне письменность, и мы еще не можем читать любой отдельно взятый шумерский документ того времени, но из всей совокупности таких текстов, в сочетании с изображениями на печатях и рельефах, можно извлечь немало общеисторической информации. Так, например, дешифровка и первые попытки «чтения» протописьменных табличек, осуществленные петербургским ученым А.А. Вайманом, дали историкам древней Месопотамии очень многое. Мы узнали, что шумеры наряду с ячменем сеяли много эммера и пшеницы. Искусственное орошение еще не привело, как произошло позже, к засолению почвы, которое плохо переносит пшеница, а значит, урожаи были очень высокими. Кое-где сажали финиковую пальму, хотя широкое ее распространение на юге Ирака относится к более позднему времени. Разводили крупный рогатый скот, собак, овец, коз, свиней и ослов. Большое значение в хозяйстве имело рыболовство в реках, каналах и соленых лагунах. Охота отступает на второй план (охотились на газелей, оленей и диких быков-туров и даже на львов). Иероглифы клинописи в виде глиняных горшков перекликаются с керамикой, находимой археологами в месопотамских теллях. Но здесь мы узнаем, какие именно сосуды предназначались для молока, какие – для пива, для благовоний, для сыпучих тел, для жертвенных возлияний.

Илл. 31. Мраморная маска богини Инанны из Урука. Протописьменный период. Рубеж IV и III тыс. до н. э.

Пиктограммы сохранили также рисунки разнообразных металлических орудий и горнов, находимых при раскопках археологами. И самое главное – они донесли до нас внешний вид предметов, сделанных из органических материалов и, следовательно, давно исчезнувших: прялок, лопат, мотыг с деревянными рукоятями, примитивного плуга, саней для перетаскивания грузов по заболоченным местам, четырехколесных повозок на сплошных колесах из дерева, канатов, рулонов ткани, тростниковых ладей с высоко загнутыми носами и многое другое. Исследование содержания документов, насколько оно нам доступно, свидетельствует, что мы имеем дело с обществом, уже прошедшим не только первое разделение труда (на земледельцев и пастухов), но и второе (выделение из общей массы земледельческого населения ремесленников и профессиональных торговцев).

Хозяйственные документы храмовых архивов из Э-Анны в У руке (Варке) протописьменного периода представлены теми же типами, что и раньше. Но впервые появляются записи о выдаче земельных наделов. Часть таких текстов была недавно расшифрована сотрудником Эрмитажа А.А. Вайманом. В одном из них говорится о распределении лежащих вдоль канала земель общей площадью 233 «бур», или, если считать, что меры земельной

площади имели в этот период то же значение, что и в более позднем Шумере, около 1500 га; две трети земель, около 1000 га, были выделены верховному правителю-жрецу (*эвен*, позже *эн*); оставшаяся треть – около 500 га – предоставлена пяти лицам: верховной жрице (по старошумерски, вероятно, *эвенмин*) – около 122 га, затем второму по старшинству жрецу – прорицателю (*ишиб*) – около 64 га, главному торговому посреднику (*шаб-галь*) – около 103 га, главному судье (*кин-ди*) – около 95 га и еще около 100 га, возможно, военачальнику. По имеющимся данным, с таких площадей держатели наделов должны были получать ежегодные урожаи соответственно порядка 2 млн литров (около 12 000 центнеров) на верховного правителя-жреца и от 1800 центнеров до 980 центнеров на остальных должностных лиц.

Быстрый расцвет Шумера в протописьменный период и переход его обществом грани, за которой начинаются цивилизация, классовое общество и государство, были во многом обусловлены созданием и правильной эксплуатацией больших магистральных каналов с соответствующей системой бассейнов и плотин.

Откуда пришли шумеры?

Если даже считать, что шумерами были уже носители убейдской культуры, то все равно остается без ответа вопрос, откуда пришли эти шумеры-убейдцы. «Откуда появились сами шумеры, – отмечает И.М. Дьяконов, – до сих пор остается еще совершенно неясным.

Илл. 32. Оттиски цилиндрических печатей периода Джемдет-Наср: а) печать с изображением священной ладьи;

б) печать из храма Инанны в Уруке.

Нач. III тыс. до н. э.

Их собственные предания заставляют думать о восточном или юго-восточном происхождении: древнейшим своим поселением они считали Эреду – на шумерском „Эре-ду“ – „Добрый город“, самый южный из городов Двуречья, ныне городище Абу-Шахрайн; место возникновения человечества и его культурных достижений шумеры относили к острову Дильмун (возможно, Бахрейн в Персидском заливе); важную роль в их религии играли культы, связанные с горой. С археологической точки зрения вероятно связь древнейших шумеров с территорией Элама (юго-западный Иран)».

Об антропологическом типе шумеров можно до известной степени судить по костным остаткам, но не по их скульптуре, как полагали ученые в прошлом, так как она, видимо, сильно стилизована и подчеркивание некоторых черт лица (большие уши, большие глаза, нос) объясняется не физическими чертами народа, а требованиями культа². Изучение ске-

² Большие уши и глаза были у шумеров символами мудрости.

летов позволяет заключить, что шумеры IV–III тыс. до н. э. принадлежали к антропологическому типу, который всегда господствовал в Месопотамии, то есть к средиземноморской малой группе европеоидной большой расы. Если у шумеров в Южном Двуречье существовали предшественники, то, очевидно, и они принадлежали к тому же антропологическому типу. Это и не удивительно: в истории очень редко случается так, чтобы новые пришельцы полностью истребляли старых жителей; гораздо чаще они брали жен из местного населения. Пришельцев могло быть и меньше, чем местных жителей. Поэтому, даже если шумеры в действительности пришли издалека и издалека же принесли свой язык, это могло почти никак не отразиться на антропологическом типе древнего населения Нижней Месопотамии.

Что касается языка шумеров, то он продолжает пока оставаться загадкой, хотя мало есть языков на свете, с которыми не пытались бы установить его родство: тут и суданские, и индоевропейские, и кавказские, и малайско-полинезийские, и венгерский, и многие другие. Долгое время распространена была теория, относившая шумерский к числу тюрко-монгольских языков, однако довольно многочисленные приводившиеся сопоставления (например, тюрк. *тэнгри* «небо, бог» и шумерск. *дингир* «бог») были в конце концов отвергнуты как случайные совпадения. Также не был принят наукой и длинный список предлагавшихся шумеро-грузинских сопоставлений. Нет никакого родства и между шумерским и его сверстниками в древней Передней Азии – эламским, хурритским и др.

Кто же такие шумеры – народ, который прочно занял арену месопотамской истории на добрую тысячу лет (3000–2000 гг. до н. э.)? Действительно ли они представляют очень древний пласт доисторического населения Ирака, или же они пришли из какой-то другой страны? И если это так, то откуда именно и когда привела судьба в Месопотамию «черноголовых» (самоназвание шумеров – *санг-нгиг*, «черноголовые»)? Эта важная проблема вот уже свыше 150 лет дебатруется в научных кругах, но пока до окончательного ее решения еще очень далеко. Большинство ученых тем не менее считает, что предки шумеров впервые появились в Южном Двуречье в убейдские времена и, таким образом, шумеры – народ пришлый.

*Илл. 33. Каменный сосуд с цветными инкрустациями. Урук (Варка).
Кон. IV тыс. до н. э.*

«Бесспорно одно, – пишет польский историк М. Белицкий, – это был народ, этнически, по языку и культуре чуждый семитским племенам, заселившим Северную Месопотамию приблизительно в то же время... Говоря о происхождении шумеров, не следует забывать об этом обстоятельстве. Многолетние поиски более или менее значительной языковой группы, родственной языку шумеров, ни к чему не привели, хотя искали повсюду – от Центральной Азии до островов Океании».

Свидетельством того, что шумеры пришли в Двуречье из какой-то горной страны, является их способ постройки храмов, которые возводились на искусственных насыпях или на сложенных из сырцового кирпича террасах. Едва ли подобный способ мог возникнуть у обитателей равнины. Его, вместе с верованиями, должны были принести со своей прародины горцы, воздававшие богам почести на горных вершинах. Более того, в шумерском языке слова «страна» и «гора» пишутся одинаково.

Сами шумеры о своем происхождении ничего не говорят. Древнейшие мифы начинают историю сотворения мира с отдельных городов, «и всегда это тот город, – отмечает российский историк В.В. Емельянов, – где создавался текст (Лагаш), или священные культовые центры шумеров (Ниппур, Эреду)». Тексты начала II тыс. называют в качестве места зарождения жизни остров Дильмун, но составлены они как раз в эпоху активных торгово-полити-

ческих контактов с Дильмуном, поэтому в качестве исторического свидетельства их воспринимать не стоит. Куда серьезнее сведения, содержащиеся в древнейшем эпосе – «Энмеркар и владыка Аратты». В нем говорится о споре двух правителей за поселение в своем городе богини Инанны. Оба правителя в равной степени почитают Инанну, но один живет на юге Двуречья, в шумерском Уруке, а другой – на востоке, в стране Аратта, славящейся своими искусными мастерами. При том оба правителя носят шумерские имена – Энмеркар и Энсукхешданна. Не говорят ли эти факты о восточном, ирано-индийском (конечно, доарийском) происхождении шумеров?

Илл. 34. Сосуд с изображением животных. Сузы. Кон. IV тыс. до н. э.

Еще одно свидетельство эпоса. Ниппурский бог Нинурта, сражаясь на Иранском нагорье с некими чудищами, стремящимися узурпировать шумерский престол, называет их «дети Ана», а между тем хорошо известно, что Ан – самый почтенный и старый бог шуме-

ров, и, стало быть, Нинурта состоит со своими противниками в родстве. Таким образом, эпические тексты позволяют определить если не сам район происхождения шумеров, то, по крайней мере, восточное, ирано-индийское направление миграции шумеров в Южное Двуречье. Откуда же, спросите вы, в таком случае взялось слово «Шумер», и по какому праву мы именуем народ шумерами? Подобно большинству вопросов шумерологии, и этот вопрос остается пока открытым.

Несемитский народ Месопотамии – шумеры – был назван так своим первооткрывателем Ю. Оппертом на основании ассирийских царских надписей, в которых северная часть страны названа «Аккад», а южная «Шумер». Опперт знал, что на севере жили в основном семиты, а их центром был город Аккад, – значит, на юге должны были жить люди несемитского происхождения, и именоваться они должны шумерами. И он отождествил название территории с самоназванием народа. Как выяснилось впоследствии, эта гипотеза оказалась неверной. Что же касается слова «Шумер», то существует несколько версий его происхождения. Согласно гипотезе ассириолога А. Фалькенштейна, слово это является фонетически измененным термином *Ki-эн-ги(p)* – названием местности, в которой находился храм общешумерского бога Энлиля. Впоследствии это название распространилось на южную и центральную часть Двуречья и уже в эпоху Аккада в устах семитских правителей страны искажилось до *Шу-ме-ру*. Датский шумеролог А. Вестенхольц предлагает понимать «Шумер» как искажение словосочетания *ки-эме-гир* – «земля благородного языка» (так называли свой язык сами шумеры). Существуют и иные, менее убедительные гипотезы. Тем не менее, термин «Шумер» давно уже получил права гражданства и в специальной, и в популярной литературе, и менять его никто пока не собирается.

И это все, что можно сказать сейчас об истоках шумерской цивилизации. Как выразился один из маститых ассириологов, «чем больше мы обсуждаем проблему происхождения шумеров, тем сильнее она превращается в химеру».

Итак, к началу III тыс. до н. э. Южная Месопотамия (от широты Багдада до Персидского залива) стала местом рождения примерно полутора десятков автономных городов-государств, или «номов». Они уже с момента своего появления вели ожесточенную борьбу за господство в этом регионе. В северной части месопотамской равнины (Двуречья) самой влиятельной силой были правители города Киша, на юге лидерство попеременно захватывали то Урук, то Ур. И тем не менее «несмотря на отсутствие полного культурного единства (что проявляется в существовании местных культов, местных мифологических циклов, местных и часто сильно различающихся школ в скульптуре, глиптике, художественном ремесле и др.) есть и черты культурной общности всей страны... К этим чертам принадлежат общее самоназвание – „черноголовые“ (*сайг-нгига*)... общий для всего Двуречья культ верховного бога Энлиля в Ниппуре, с которым были постепенно соотнесены все местные общинные культы и все генеалогии божеств; общий язык; распространение резных цилиндрических печатей с реалистическими изображениями охоты, религиозных процессий, умерщвления пленных и т. п.; известные общие черты стиля в глиптике вообще, а также в скульптуре. Наиболее интересно, что система шумерской письменности, при всей ее сложности и при разобщенности отдельных политических центров, практически тождественна по всей Месопотамии. Тождественны и использовавшиеся учебные пособия – перечни знаков, без изменения переписывавшиеся вплоть до второй половины III тыс. до н. э. Создается впечатление, что письменность была изобретена одновременно, в одном центре, а оттуда в готовом и неизменном виде распространена по отдельным „номам“ Двуречья».

Центром культового союза всех шумеров был Ниппур (шумер. Нибуру, совр. Ниффер). Здесь находился Э-кур – храм общешумерского бога Энлиля. Энлиль чтился как верховный бог еще в течение тысячелетия всеми шумерами и восточными семитами-аккадцами. И хотя Ниппур никогда не представлял собой важного политико-административного центра, зато

он всегда был «священной» столицей всех «черноголовых». Ни один правитель города-государства («нома») не считался легитимным, если он не получал благословления на власть в главном храме Энлиля в Ниппуре.

Кто же правил шумерами на заре их истории? Как звали их царей и вождей? Каков был их общественный статус? Какими делами они занимались? У жителей древней Месопотамии, как и у греков, германцев, индусов, славян, был свой собственный «героический век» – время существования полубогов, полугероев, храбрых воинов и могущественных царей, которые стояли почти вровень с богами и совершали необыкновенные подвиги, доказывая свою удаль и величие. И только сейчас мы начинаем понимать, что, по крайней мере, часть этих героев – отнюдь не мифические персонажи из старых сказок, а вполне реальные исторические лица.

Глава 4 Эпоха богов и героев

Хотя около 3000 г. до н. э. на юге Месопотамии засиял свет письменной цивилизации, к сожалению, большинство дошедших до нас ранних клинописных текстов носят чисто экономический характер и почти ничего не рассказывают о политической истории шумеров. Лишь около 2600 г. до н. э. начинают появляться административные и религиозные документы, из которых можно извлечь сведения политического и военного характера. Таблички с клинописью дополняются надписями на скульптурах, каменных и металлических предметах. Надписи содержат имена царей, построивших те или иные храмы и святилища, и богов и богинь, которым посвящены эти сооружения.

Для нас же наиболее ценным из «исторических» документов является, бесспорно, шумерский «Царский список», в котором зафиксированы смены царей и продолжительность их правления. Считается, что данный список был составлен и записан в городе Уре в самом конце III тыс. до н. э. Правда, начинается он с явного вымысла: например, первые власти-тели правили, если верить списку, тысячи и тысячи лет!!! В «Царском списке» упоминаются четыре знаменитых правителя Урука, герои более позднего шумерского эпоса – Энмеркар, Лугальбанда, Думузи и Гильгамеш. Подобно героям Гомера, они были (кроме Думузи) историческими личностями, героизированными последующими поколениями. Несмотря на то что в «Царском списке» подлинная древняя история Месопотамии перемешана с легендами, в ряде случаев он может служить надежным источником информации.

Период месопотамской истории, охватывающий время с 2800 по 2371 г. до н. э., называют обычно Раннединастическим. И единственным нашим путеводителем по темным векам начала шумерской эпохи остается (помимо археологических материалов) «Царский список» – причудливая смесь из мифов и исторических фактов. Но каким же образом можно отделить одно от другого? Да и есть ли вообще что-нибудь заслуживающее нашего внимания в этом пресловутом «Списке»?

К счастью, ученые уже овладели сейчас сложным искусством поиска реалий шумерского прошлого в густом тумане фантазий и мифов, который окутывает самые ранние страницы истории Шумера. Их метод действий был прост, но надежен. Они настойчиво искали среди археологических находок подтверждения того, что имена царей, перечисленных в «Царском списке», – не вымысел и что они принадлежали вполне реальным историческим персонажам.

Долгое время такие поиски не приносили успеха. И это понятно. Ведь до 1914 г. все наши сведения о раннем Шумере основывались на результатах раскопок французов в Лагаше (Телло) – большом шумерском городище близ современного селения Шатт-эль-Гарраф, в 50 км к северу от Насирии на Евфрате. Помимо великолепных произведений искусства эти работы дали ассириологии и множество глиняных табличек с клинописью, которые позволили довольно подробно реконструировать историю Лагаша и составить список его правителей от 2700 до 2000 г. до н. э. К сожалению, вся полученная из текстов информация относилась только к прошлому одного шумерского города. И, кроме того, хотя в нашем распоряжении оказался теперь перечень реальных лагашских царей, в «Списке» они ни разу не упоминались. Однако археологи не теряли надежды на успех.

Весной 1922 г. англичанин Леонард Вулли вел раскопки в Эль-Убейде, близ Ура, на поселении, которое дало название одному из важнейших дошумерских периодов в истории Месопотамии – убейдскому. Кроме ранних построек и могил там нашли платформу из сырцового кирпича и остатки пышно украшенного храма, когда-то стоявшего на ней. И хотя еще в древности неведомые враги варварски уничтожили святилище, многие элементы декора (включая чудесные бронзовые скульптуры и рельефы) были просто сброшены вниз и про-

лежали под толстым слоем земли и песка в целостности и сохранности вплоть до XX века. И вот, разбирая эти замечательные находки, Вулли неожиданно увидел небольшую мраморную табличку с клинописью. Текст был краток. Он гласил: «[Богине] Нинхурсаг А-анне-падда, царь Ура, сын Мес-анне-падды, царя Ура, для Нинхурсаг построил данный храм». Первый персонаж (А-анне-падда) был до сих пор неизвестен науке, но зато его отца —

Мес-анне-падду, основателя I династии Ура и упоминаемого в «Царском списке», идентифицировать не составляло особого труда. Таким образом, впервые один из тех ранних шумерских правителей, которые прежде рассматривались в науке как чисто легендарные, оказался реально существовавшим историческим лицом.

В 60-е годы XX в. немецкий ассириолог Д. Эдзарт, работая с коллекциями Багдадского музея, обнаружил фрагмент большого алебастрового предмета неизвестного происхождения, с короткой, очень архаичной по стилю надписью следующего содержания: «Ме-бараг-си, царь Киша». Как впоследствии доказал ученый, данный монарх был не кем иным, как Эн-ме-бараг-си из шумерского «Царского списка». «Эн» — это титул ранних шумерских правителей-жрецов — в первом случае был просто опущен. Эн-ме-бараг-си был двадцать вторым царем I династии Киша и отцом Аги, который, как нам известно из знаменитого шумерского эпоса («О все выдавшем», или «Эпос о Гильгамеше»), неудачно воевал с правителем Урука — Гильгамешем. А потом известный американский востоковед С.Н. Крамер, прочитав клинописный текст под названием «Табличка из Туммалы», установил, что Гильгамеш — современник Мес-анне-падды из Ура.

Из всего вышесказанного мы можем заключить, что, во-первых, Гильгамеш, пятый правитель Урука и герой знаменитой эпической поэмы, по всей вероятности, был реальным лицом; а во-вторых, Эн-ме-бараг-си — царь Киша, отец Аги и отдаленный потомок Этаны (древнейшего легендарного правителя Киша) — был одним из самых ранних исторически установленных монархов Шумера. «Царский список» говорит по этому поводу следующее: «Этана, пастух, поднявшийся на небо, стал царем, 1500 лет правил» и «Эн-ме-бараг-си, который согнул оружие Элама, стал царем [Киша], 900 лет правил». Естественно, фантастические цифры лет правления следует решительно отбросить. Но стоящие за ними владыки — это вполне реальные исторические фигуры.

В целом «Царский список» дает нам достаточно полное представление о царских династиях двух крупнейших (и политически значимых) городов Шумера: Киша на севере и Урука (Ура) на юге Месопотамии. «Список», как уже отмечалось выше, был составлен не позднее конца III тыс. до н. э., в эпоху правления так называемой III династии Ура. Составляя его, переписчики, несомненно, пользовались династическими списками, которые на протяжении многих столетий велись в отдельных шумерских городах-государствах. Не исключено, что имевшиеся в их распоряжении клинописные тексты о царских династиях иногда также представляли собой компиляцию. Вполне вероятно и то, что шумерские писцы не все понимали в трудах своих предшественников. «Что поделаешь, — пишет М. Белицкий, — шумерские писцы не были ни историками, ни летописцами в нашем понимании. Их целью было прославить свой город или народ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что легенда превращалась в историю, а история — в легенду».

*Илл. 35. Статуя сановника Эбих-иля из Мари. Мари, Сирия.
Сер. III тыс. до н. э.*

В «Царском списке» перечислены самые первые шумерские города, считавшиеся в древней Месопотамии священными: Эреду (здесь находился дворец бога Энки – божества пресной воды и океанской бездны, воздвигнутый на дне моря), Бад-Тибира, Ларак, Сиппар и Шуруппак. Согласно легенде, все они в эпоху «до потопа» были столицами Шумера. Однако археологические материалы, полученные при раскопках этих городов, никак не подтверждают того, что они имели в древности большое политическое, военное, экономическое, религиозное или культурное значение в жизни шумерского общества.

И напротив, раскопки выявили подлинные города-лидеры Шумера – Киш, Урук, Ур и священную столицу «черноголовых», Ниппур, с его общешумерским святилищем главы пантеона – бога воздуха Энлиля. Но, прежде чем обратиться к этим действительно ведущим городским центрам, во многом определявшим всю политическую ситуацию в Месопотамии, нам необходимо дать разъяснения по поводу упомянутого выше (в «Царском списке») потопа, служившего важной разделительной вехой между царями, которые правили до него и после него. Любопытно, что не только до потопа цари жили и царствовали неправдоподобно долго. Представители первых династий после потопа тоже правили по несколько тысяч лет. Может быть, таким образом подчеркивалась принадлежность этих легендарных монархов к богам?

Итак, обратимся к вопросу о всемирном потопе (шумерскую версию мифа об этом событии я расскажу ниже). «Обнаруженный Л. Вулли трехметровый слой чистого песка без каких-либо следов человеческой деятельности, внезапно прерывающий культурные слои Ура, – пишет К. Керам, – является бесспорным доказательством того, что около середины IV тыс. до н. э. здесь имел место мощный катаклизм, охвативший территорию – по тем представлениям, огромную, чуть ли не весь мир. В городах, расположенных дальше к северу, толщина слоя чистых речных отложений не так велика, как в Уре: около полутора метров в У руке, около полутора метров в Кише. На основании этих данных Вулли составил карту территории, захваченной потопом. Более поздние исследования показали, что многие города Месопотамии сохранили следы наводнений, происходивших в разное время: обнаруженные слои речных наносов относятся к различным периодам. Это открытие нанесло ощутимый удар идее общемесопотамского потопа.

Илл. 36. Охота на львов. Камень. Раннединастический период

Однако, проблема великого наводнения, увековеченного месопотамской традицией, продолжает существовать. Ученые утверждают, что во время самой грандиозной из этих катастроф селения, расположенные на более возвышенных местах, уцелели. А раз уцелели населенные пункты, уцелели и люди, которые сохранили и передали последующим поколениям память о катастрофе. Если даже предположить, что во время наводнения, затопившего Ур в убейдскую эпоху, шумеров здесь еще не было, то крупные наводнения следующего периода, Джемдет-Насра, происходили уже при них. Об одних они слышали, другие пере-

жили сами. Несомненно одно: в этой заимствованной и распространенной Библией шумерской легенде заключено зерно исторической правды».

Итак, вернемся к шумерским городам и прежде всего обратим внимание на Урук, библейский Эрех (современная Варка), на юге Ирака.

Урук, год 2800 (2700) до н. э

В начале III тыс. до н. э. наиболее влиятельными городами-государствами в Шумере попеременно выступали то Киш (находится неподалеку от Багдада), то Урук (или Ур) – на юге месопотамской равнины. Сначала – об Уруке. Давайте посмотрим на этот город глазами немецкого ученого Х. Шмёкеля, нарисовавшего в своей книге «Ур, Ассирия и Вавилон» такую красочную картину: «На долину Евфрата опускаются короткие сумерки. С лугов, покрытых зеленой, сочной травой, возвращаются хромовые стада. Их погоняют нагие пастухи. Медленно бредут сытые отяжелевшие животные. Лишь молодняк – шаловливые козлята и ягнята – нарушают чинный строй. До чего хороши стада! Вдоволь будет молока, много шерсти отнесут работники на склады храма, когда наступит время стрижки. Немало потрудятся и пряжи, работающие в храмовых мастерских. Овцы, козы, коровы входят в широкие ворота Урука. Их гонят в хлева и овчарни храма Инанны. Сейчас пастухи поручат стада скотникам, а сами пойдут на склад за ежедневной порцией хлеба и пива.

На улицах города, в жилых районах, движение, шум, суета. Кончился знойный душный день. Настала пора долгожданной вечерней прохлады. Вдоль глухих глиняных стен, однообразие которых нарушают лишь небольшие проемы, ведущие внутрь домов, возвращаясь из своих мастерских в храм, шагают кузнецы и гончары, оружейники и скульпторы, каменщики и резчики. Женщины несут воду в высоких кувшинах. Они спешат домой, чтобы поскорее приготовить ужин для мужей и ребятишек. Тут и там в толпе прохожих можно увидеть воинов... Медленно, словно боясь уронить свое достоинство, идут по

улицам жрецы, дворцовые чиновники, писцы. Нарядные юбочки делают их заметными в толпе. В социальной иерархии они стоят значительно выше ремесленников, земледельцев и пастухов. Шумные, озорные мальчишки после бесконечно длинного дня изнурительной учебы в храмовой школе писцов побросали наконец свои таблички и с беззаботным смехом провожают караван ослов, несущих корзины с товарами с кораблей, которые только что разгрузились на пристани.

Вдруг откуда-то издалека доносится крик, потом другой, третий... Крики приближаются... Толпа расступается, образуя широкий коридор, люди смиренно склоняют головы: по направлению к храму едет „энси“ (правитель. – *В.Г.*). Вместе со своей семьей и придворными он весь день работал на строительстве нового оросительного канала и теперь после трудового дня возвращается во дворец, который находится рядом с храмом. Воздвигнутый на высокой платформе, опоясанный широкими, ведущими на самый верх лестницами, этот храм является гордостью жителей Урука. Вдоль его внутреннего двора длиной 62 и шириной 12 метров протянулись одиннадцать залов. А внизу, в хозяйственных помещениях, там, где находятся кладовые, амбары и склады, жрецы приводят в порядок таблички с зафиксированными на них жертвоприношениями, с утра совершенными в храме, все поступившие в казну доходы минувшего дня, которые еще более увеличили богатство бога – владыки и повелителя города. А „энси“, князь-жрец, правитель Урука, – лишь слуга бога, на чьем попечении находятся принадлежащие богу земельные угодья, богатства и люди».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.